

Бестселлер #1 NEW YORK TIMES, AMAZON, SUNDAY TIMES и DER SPIEGEL
Книга года по версии THE GUARDIAN

ШЕПОТ ЗА ОКНОМ

«Это самый волнующий триллер
из всех, что я прочитал после
"Снеговика" Ю Несбё».

АЛЕКС МИХАЭЛИДЕС,
автор романа «БЕЗМОЛВНЫЙ
ПАЦИЕНТ»

АЛЕКС НОРТ

Бестселлер Amazon

Алекс Норт

Шепот за окном

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Норт А.

Шепот за окном / А. Норт — «Эксмо», 2019 — (Бестселлер Amazon)

ISBN 978-5-04-112551-6

Двадцать лет назад серийный убийца, прозванный прессой Шептальщиком, устроил для жителей маленького английского городка Фезербэнк настоящий ад. Он похищал маленьких мальчиков, нашептывая посулы и обещания в их открытые окна. А потом жестоко убивал. Убийцу поймали, и вот уже много лет как его упрятали за решетку. В городке воцарился покой. Именно поэтому сюда решили переехать писатель Том Кеннеди со своим сыном Джейком. После недавней трагедии в их семье, покой – это как раз то, что им нужно. И тут в городе пропадает еще один мальчик. Стало известно, что днем ранее он слышал чей-то шепот за своим окном. Давний ужас, похоже, вернулся... Но кто сделал это – если маньяк сидит в тюрьме? И кто будет следующей жертвой? Может быть, Джейк?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-112551-6

© Норт А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	6
1	6
2	8
3	11
4	14
5	17
6	21
7	24
Часть II	29
8	29
9	33
10	36
11	40
12	44
13	46
14	50
15	53
16	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алекс Норт

ШЕПОТ ЗА ОКНОМ

Посвящается Линн и Заку

Джейк!

Мне так много надо тебе рассказать, но у нас с тобой никогда не получалось нормально поговорить друг с другом, верно?

Так что лучше я тебе напишу.

Помню, как мы с Ребеккой впервые везли тебя домой из больницы. Было темно, шел снег, и я в жизни не вел машину с такой осторожностью! Тебе было всего два дня от роду, ты лежал в переноске, пристегнутой к заднему сиденью, Ребекка дремала рядом, а я то и дело поглядывал в зеркало заднего вида – проверить, всё ли с тобой в порядке.

Поскольку знаешь что? Мне в тот момент было просто до чертиков страшно. Я вырос единственным ребенком, никогда не имел дела с младенцами, и вот нате – сам вдруг оказался в ответе за такого мальшиа. Ты был настолько невероятно крошечным и беззащитным, а я настолько к этому не готов, что просто диву даюсь, как это мне вообще позволили забрать тебя из больницы. С самого начала мы не подходили друг к другу, ты и я. Ребекка держала тебя легко и естественно, словно была рождена для тебя, а не наоборот, тогда как я всегда чувствовал себя жутко неуклюже, совершенно напуганный этой хрупкой ношей у себя на руках и неспособный понять, что тебе надо, когда ты плачешь. Я вообще тебя не понимал.

Так оно и осталось.

Когда ты немного подрос, Ребекка сказала мне, что это все из-за того, что мы с тобой настолько похожи, но я не знаю, так ли это. Надеюсь, что нет. Я всегда желал для тебя лучшей участи, чем участь быть точно таким же, как я.

Но неважно: так или иначе, мы не можем поговорить друг с другом, а это означает, что взамен мне придется все это написать. Правду про все, что произошло тогда в Фезербэнке.

Про Мистера Ночь. Мальчика в полу. Бабочек. Девчушку в странном платьице.

И про Шепталъщика, конечно же.

Это будет непросто, и мне нужно начать с извинений. Годами я так часто повторял тебе, что бояться нечего... Что никаких чудовищ не бывает...

Прости, но я врал.

Часть I Июль

1

Похищение ребенка каким-нибудь чужаком – наихудший кошмар любого родителя. Но, по статистике, это крайне редкое событие. На самом-то деле дети гораздо чаще рискуют стать жертвами насилия со стороны кого-то из членов семьи, за закрытыми дверями, и хотя наружный мир действительно может казаться угрожающим, правда заключается в том, что большинство чужаков – вполне приличные люди, в то время как самым опасным местом частенько оказывается родной дом.

Мужчина, который крался за шестилетним Нилом Спенсером по пустырю, слишком хорошо это понимал.

Двигаясь неслышно, параллельно пути Нила за линией кустов, он постоянно наблюдал за мальчиком. Нил шел медленно, совершенно не сознавая опасности, в которой оказался. Время от времени он пинал пыльную землю, отчего его кроссовки окутывали белые меловые облачка. Мужчина, двигаясь с куда большей осторожностью, каждый раз слышал отрывистое «пш-пш-ш!». Сам он не производил ни единого звука.

Вечер был теплым. Большую часть дня солнце жарило на всю катушку, но сейчас было уже к шести, а небо подернулось дымкой. Температура упала, и воздух окрасился в золотистый оттенок. Это был такого рода вечер, когда вы можете выйти посидеть во двор, потягивать там холодное белое вино, наблюдая за тем, как заходит солнце, и даже не подумать о том, чтобы сходить в дом за пальто или курткой, пока окончательно не стемнеет и не будет уже никакого смысла утруждаться.

Даже пустырь был красив, купаясь в янтарном свете, – клочок заросшей кустами земли, граничащий с городком под названием Фезербэнк с одной стороны и заброшенным старым карьером – с другой. Холмистая местность выглядела в основном пересохшей и мертвой, хотя тут и там виднелись плотные заросли кустов, отчего местами она напоминала лабиринт. Деревенские ребятишки иногда играли здесь, хотя это было не особо безопасно. На протяжении множества лет многие из них пытались спуститься в карьер, крутые склоны которого держались на честном слове и были готовы осыпаться в самый неподходящий момент. Городской совет ставил здесь ограды и предупреждающие знаки, но местные сходились во мнении, что этого мало. Дети все-таки находили способ пробраться за любые ограждения, в конце-то концов.

А на предупреждающие знаки они просто не обращали внимания.

Мужчина многое знал про Нила Спенсера. Он тщательно изучил мальчика и его семью, словно какой-то проект. Мальчишка плохо успевал в школе – и в учебе, и в поведении – и сильно отставал от сверстников в чтении, письме и математике. Одевали его обычно во всякие обноски. Он казался слишком взрослым для своего возраста – уже выказывал гнев и обиду по отношению к окружающему миру. В свои малые годы пользовался репутацией задиры и хулигана, но на данный момент был по-прежнему достаточно мал, чтобы люди прощали ему даже серьезные безобразия. «Это он не нарочно, – говорили в таких случаях. – Он не виноват». Дело еще не дошло до того, чтобы Нила считали лично несущим ответственность за свои действия, так что взамен людям приходилось искать какие-то иные объяснения.

Мужчина их уже нашел. Это было несложно увидеть.

Нил провел день в доме отца. Его родители разошлись, что мужчина считал для себя очень удачным. Оба были алкоголиками, ведущими беспорядочный образ жизни. И оба счи-

тали, что жить куда проще, если ребенок находится в доме другого бывшего супруга, и оба с трудом развлекали его, когда он приходил погостить. В общем и целом Нил был предоставлен самому себе, что вполне очевидно имело непосредственное отношение к той жесткости, которая, как мужчина хорошо видел, развивалась в мальчике. Нил занимал в жизни своих родителей далеко не самое первое место. И, естественно, он не был любим.

Отнюдь не впервые отец Нила был к вечеру слишком пьян, чтобы отвезти его домой к матери, а идти пешком ему было явно лень. Парню почти семь, наверняка рассудил отец, и он целыми днями прекрасно обходится и сам. Так что Нил отправился домой без всякого сопровождения.

У него все еще не было и мысли, что попадет он в совершенно другой дом. Мужчина подумал про комнату, которую уже приготовил, и постарался подавить охватившее его возбуждение.

На середине пустыря Нил вдруг остановился.

Мужчина тоже замер неподалеку, после чего выглянул сквозь заросли ежевики посмотреть, что привлекло внимание мальчика.

Под одним из кустов валялся выброшенный кем-то старый телевизор – его серый экран вздулся, но был еще цел. Мужчина наблюдал, как Нил пытливо попинал его ногой, но телевизор был слишком тяжел, чтобы сдвинуться с места. Эта штука, наверное, представлялась мальчишке чем-то из совсем другого века, с какими-то решетками и кнопками сбоку от экрана и непонятным горбом, выпирающим сзади. На другой стороне тропы валялось несколько камней. Мужчина заворожено смотрел, как Нил подходит туда, выбирает один из них, а затем со всей силы бросает в стекло.

Тук!

Громкий звук в этом обычно тихом месте. Стекло не разбилось на мелкие осколки, но камень пробил его, оставив дыру с зазубренными краями, как от выстрела. Нил подхватил следующий камень и повторил бросок, промазав на сей раз, а потом попытался еще раз. В экране появилась еще одна дыра.

Мальчишке, похоже, нравилась эта игра.

И мужчина понимал почему. Этот случайный акт разрушения очень походил на ту растущую агрессию, которую мальчишка проявлял в школе. Это была попытка нанести удар тому миру, который, казалось, был совершенно равнодушен к самому факту его существования. Это шло от желания быть увиденным. Быть замеченным. Быть любимым.

Это все, чего хочет любой ребенок, в самой глубине души.

Сердце мужчины, бьющееся теперь чаще, заболело при мысли об этом. Он бесшумно выступил из кустов позади мальчика, после чего шепотом позвал его по имени.

2

«Нил! Нил! Нил!»

Детектив-инспектор Пит Уиллис осторожно продвигался по пустырю, слыша, как полицейские вокруг него с регулярными интервалами выкликают имя пропавшего мальчика. В промежутках воцарялась полная тишина. Пит поднял взгляд, представив себе слова, вспархивающие в черноту над головой и растворяющиеся в ночном небе столь же бесследно, как Нил Спенсер исчез с самой планеты Земля под ним.

Он водил лучом фонарика над пыльной землей из стороны в сторону, высматривая дорогу, а равно и любые признаки мальчика. Синие спортивные штаны с трусами, футболка с эмблемой «Майнкрафт»¹, черные кроссовки, армейского стиля сумка, бутылка с водой. Тревожный вызов поступил в тот самый момент, когда инспектор усаживался за ужин, который только что старательно приготовил, и сейчас мысль о тарелке на столе, нетронутой и остывающей, отзывалась бурчанием в желудке.

Но пропал маленький мальчик, и его надо найти.

Других полицейских не было видно в темноте, но он видел лучи их фонариков, мечущиеся вокруг. Пит бросил взгляд на часы: восемь пятьдесят три вечера. День почти закончился, и хотя совсем недавно было довольно жарко, за последние пару часов температура заметно упала, и холодный воздух заставил его поежиться. Уходя из дома, в спешке он забыл прихватить куртку, а футболка представляла собой не лучшую защиту от сил природы. Старые кости тоже – ему уже пятьдесят шесть, в конце-то концов, – но в такой вечер и молодым костям приходится несладко. Особенно если ты потерялся и один-одинешенек. И ранен, скорее всего.

«Нил! Нил! Нил!»

Он добавил свой собственный голос:

– Нил!

Ничегошеньки.

Первые сорок восемь часов после исчезновения человека наиболее важны. Сообщение о пропаже мальчика поступило в семь тридцать девять вечера, примерно через полтора часа после того, как тот вышел из дома отца. Он должен был оказаться дома не позже двадцати минут седьмого, но родители практически никак не координировали свои действия касательно времени его возвращения, так что отсутствие сына обнаружилось только тогда, когда мать Нила наконец сообразила позвонить бывшему супругу. К тому времени, как в девятнадцать часов пятьдесят одну минуту полиция прибыла на пустырь, тени удлиннились, и как минимум два из этих сорока восьми часов были безвозвратно потеряны. А теперь уже почти три.

Пит знал, что в подавляющем большинстве случаев пропавший ребенок достаточно быстро находится и возвращается родным. Такие происшествия делились на пять основных категорий: беспризорность; побег; ДТП или несчастный случай; похищение членом семьи; похищение не членами семьи. В данный момент закон вероятности говорил Питу, что исчезновение Нила Спенсера вызвано несчастным случаем какого-то рода и что ребенка достаточно быстро найдут. И все же чем дальше он продвигался, тем больше инстинкт подсказывал ему обратное. Вокруг сердца узлом закручивалось нехорошее чувство. Но он всегда себя так чувствовал, когда пропадал ребенок. Это ровным счетом ничего не значило. Просто всплывали на поверхность плохие воспоминания двадцатилетней давности, вытягивая за собой плохие предчувствия...

Луч его фонарика проскочил мимо чего-то серого.

¹ «Майнкрафт» – популярная компьютерная игра с нелинейным сюжетом. – *Здесь и далее прим. пер.*

Пит немедленно остановился, потом вернулся туда, где это заметил. У основания одного из кустов валялся старый телевизор с разбитым в нескольких местах экраном, словно кто-то использовал его как мишень. Секунду он внимательно смотрел на него.

– Что-то есть?

Незнакомый голос сбоку.

– Нет! – крикнул он в ответ.

Пит добрался до противоположной стороны пустыря вместе с другими полицейскими – поиски не принесли результата. После сравнительной темноты за спиной белесый свет уличных огней впереди показался странно тревожным. В воздухе висел приглушенный гул жизни, которого не было в тишине пустыря.

Через несколько секунд, решительно настроенный потратить время с максимальной пользой, инспектор развернулся и направился обратно той же дорогой, какой и пришел.

Он не совсем хорошо понимал, куда идет, но поймал себя на том, что направляется вбок – в сторону старого карьера, пролегшего вдоль одной из сторон пустыря. В темноте этот участок местности был довольно опасным, так что Пит зашагал к скоплению ярких огоньков, где собиралась приступить к работе поисковая группа, направленная к карьере. Пока одни полицейские продвигались по краю, подсвечивая крутые склоны и выкликая имя Нила, другие сверялись с картами и готовились к спуску по неровной тропе, ведущей вниз. Двое из них подняли взгляды при его появлении.

– Сэр? – Один из них узнал его. – А я и не знал, что вы сегодня дежурите!

– Я не дежурю. – Приподняв проволоку ограды, Пит поднырнул под нее, чтобы присоединиться к ним, еще более внимательно глядя себе под ноги. – Я живу тут неподалеку.

– Да, сэр. – Патрульный явно пребывал в сомнениях.

Появление детектива-инспектора при выполнении такой достаточно рядовой задачи было действительно делом незаурядным. Набиравшую силу поисковую операцию координировала сидевшая в управлении детектив-инспектор Аманда Бек, а поисковая группа состояла в основном из рядовых полицейских. За плечами у Пита было больше лет службы, чем у любого из них, но сейчас он являлся лишь обычным членом общей команды. Пропал ребенок, а это означало, что этого ребенка нужно как можно быстрее найти. Этот патрульный, наверное, был слишком молод, чтобы помнить, кто такой Фрэнк Картер, и понять, почему ничуть не удивительно увидеть Пита Уиллиса при подобных обстоятельствах.

– Осторожней, сэр. Тут земля осыпается.

– Ладно.

И достаточно молод, чтобы считать его стариком, судя по всему. Наверняка он не видел Пита в спортзале отдела, который инспектор посещал каждое утро перед тем, как отправиться на рабочее место. Несмотря на разницу в возрасте, Пит был готов поспорить, что обставит парня на любом из тренажеров. И смотреть под ноги он тоже не забывает. Смотреть за всем – включая самого себя – было его второй натурой.

– Ладно, сэр, мы готовы спускаться. Просто докладываю.

– Я тут не команду. – Пит нацелил луч фонарика вниз, обводя им неровную землю. Доставал тот недалеко. Ложе карьера внизу представляло собой лишь огромную черную дыру. – Докладывайте детективу-инспектору Бек, не мне.

– Да, сэр.

Пит продолжал смотреть вниз, думая про Нила Спенсера. Наиболее вероятные маршруты, которые мог избрать мальчишка, были уже определены, улицы осмотрены. С большинством его друзей уже связались, – всё без толку. И на пустыре чисто. Если исчезновение мальчика действительно стало результатом несчастного случая, тогда карьер оставался единственным местом, где был смысл его искать.

И все же черный мир внизу представлялся совершенно пустым.

Пит не мог знать этого точно – по крайней мере, разумом. Но инстинкт подсказывал, что Нила Спенсера здесь не найдут.

Что, может быть, его вообще нигде не найдут.

3

– Так помнишь, что я тебе говорила? – спросила девчонка.

Он-то помнил, но в данный момент Джейк изо всех сил старался не обращать на нее внимания. Все другие дети в «Клубе 567»² высыпали во двор, играя на солнышке. До него доносились крики и шуршание футбольного мяча по асфальту, время от времени прерывающееся упругим «туп!» о стену здания. И все-таки Джейк сидел в помещении, работая над рисунком. Пусть лучше все оставят его в покое, иначе он никогда не закончит.

Не то чтобы ему не нравилось играть с этой девчонкой... Естественно, нравилось. Большую часть времени только она единственная и *хотела* играть с ним, и обычно он был более чем рад ее видеть. Но сегодня она была не особо настроена на игру. Вообще-то выглядела жутко серьезно, и это ему ни капельки не нравилось.

– Так помнишь?

– Да вроде.

– *Скажи* тогда.

Он вздохнул, отложил карандаш и посмотрел на нее. Как всегда, на ней было платьице в сине-белую клеточку, а на правой коленке красными росчерками выделялась ссадина, которая, похоже, никогда не заживала. В то время как остальные девчонки были аккуратно причесаны, с короткими волосами по плечи или завязанными на затылке в тугой хвостик, у этой они перепутанной копной свисали набок и выглядели так, будто она очень долго их не расчесывала.

По выражению ее лица сейчас было ясно, что сдаваться она не намерена, так что Джейк просто повторил то, что она ему говорила:

– Если дверь прикрыть забудешь...

Было удивительно, но он действительно все запомнил, хотя и не делал никаких специальных усилий, чтобы эти слова отложились в голове. Но по какой-то причине это произошло. Наверное, дело было в ритме. Иногда он слышал какую-нибудь песню по Си-би-би-си³, и потом она буквально часами крутилась у него в голове. Папа называл это «ушным червяком», из-за чего Джейку представлялось, будто звуки ввинчиваются ему куда-то в висок и копошатся потом в мозгу.

Когда он закончил, девчонка с довольным видом кивнула сама себе. Джейк опять подхватил карандаш.

– А что это все хотя бы значит? – спросил он.

– Это предостережение. – Она наморщила носик. – Ну... Типа, как на всякий случай. Дети обычно говорили так, когда я была маленькой.

– Да, но что это *значит*?

– Это просто добрый совет, – сказала она. – В мире полным-полно плохих людей, в конце концов. Полным-полно плохих вещей. Так что хорошо про это помнить.

Джейк нахмурился и начал рисовать опять. Плохих людей! Был тут, в «Клубе 567», парнишка чуть постарше, по имени Карл, которого Джейк считал плохим. На прошлой неделе Карл прижал его к стенке, когда он строил крепость из конструктора «Лего», и встал слишком близко, громоздясь над ним, как огромная тень.

– А почему тебя всегда папа отсюда забирает? – требовательно спросил Карл, хотя и без того знал ответ. – Потому что твоя мама умерла?

² «Клуб 567» – нечто вроде продленки для детей 5–7 лет, посещающих учреждение дошкольного образования (Elementary School). Работающие родители могут привезти туда детей рано утром и забрать вечером. Название принадлежит реальному учреждению, работающему в Лидсе.

³ Британский детский телевизионный бренд, принадлежащий компании Би-би-си.

Джейк ничего не ответил.

– А как она выглядела, когда ты ее нашел?

И снова он ничего не ответил. Если не считать ночных кошмаров, Джейк никогда не думал о том, на что это было похоже – найти мамочку в тот день. У него из-за этого чудным образом сбивалось дыхание, воздух не шел внутрь. Но от одной мысли он все равно никак не мог избавиться, и это было знание того, что ее больше нет.

Это напомнило ему о том давно прошедшем времени, когда Джейк заглядывал в дверной проем на кухню и видел, как она разрезает большой красный перец на две половинки и вытаскивает сердцевину.

– Чудо ты мое!

Так мамочка всегда говорила, когда его видела. Она всегда его так называла. Чувство внутри, когда он вспоминал, что она мертва, было типа того звука, который издавал тот перец – словно что-то разрубается с негромким «чок!» и остается пустым.

– А мне и вправду нравится, когда ты реवेशь, как младенец! – объявил Карл, а потом отошел с таким видом, будто Джейка даже не существует.

Не слишком-то весело было представлять, что мир полон таких людей, и Джейку не хотелось в это верить. Теперь он рисовал на листе бумаги круги. Силовые поля вокруг крошечных фигурок из палочек, ведущих битву на рисунке.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Джейк?

Он поднял взгляд. Это была Шэрон – одна из взрослых, работающих в «Клубе 567». Она мыла посуду в дальнем конце комнаты, но теперь подошла и наклонилась над ним, упершись ладонями в колени.

– Да, – ответил он.

– Классный рисунок.

– Он еще не закончен.

– И что это будет?

Джейк поразмыслил, как объяснить битву, которую рисует, – все эти разные стороны, которые в ней бьются, с линиями между ними и росчерками поверх тех, кто уже погиб, – но это оказалось слишком сложно.

– Просто битва.

– А ты точно не хочешь выйти на улицу и поиграть с другими детьми? Такой чудесный день!

– Нет, спасибо.

– У нас есть запасной крем от солнца. – Шэрон обернулась. – И панамка где-то тут должна быть.

– Мне нужно закончить рисунок.

Она опять выпрямилась, тихонько вздохнув про себя, но с добрым выражением на лице. Шэрон беспокоилась насчет него, и хотя в этом не было нужды, он предположил, что это все равно хорошо. Джейк всегда мог понять, когда кто-то относился к нему с заботой. Часто – папа, если не считать тех моментов, когда тот терял терпение. Иногда он кричал и говорил всякие вещи вроде: «Это просто потому, что я хочу, чтобы ты поговорил со мной, – я хочу знать, что ты думаешь и чувствуешь!», и это было страшно, когда такое случалось, поскольку Джейк чувствовал, что чем-то разочаровал папу и заставил его грустить. Но он не знал, как стать другим, – не таким, как всегда.

Круг за кругом – вот еще одно силовое поле готово, линии накладываются друг на друга... Или, может, это не силовое поле, а портал? Так что эта крошечная фигурка внутри может исчезнуть с поля битвы, попасть туда, где лучше... Джейк перевернул карандаш обратной стороной и принялся старательно стирать человечка с бумажного листа.

«Ну вот. Теперь ты в безопасности, куда бы ни попал».

Как-то раз, после того как папа вышел из себя, Джейк нашел у себя на кровати записку. На ней было то, что, как он не мог не признать, оказалось очень хорошим изображением обоих, улыбающихся во весь рот, а под ним папа приписал:

Прости меня. Я хочу, чтобы ты помнил: даже когда ссоримся, мы все равно очень сильно любим друг друга. Ххх.

Джейк тогда положил этот листок в свой Пакет для Особых Вещей, вместе с другими важными вещами, которые требовалось сохранить.

Он сейчас же проверил – драгоценный Пакет лежал перед ним на столе, прямо рядом с рисунком.

– Ты скоро переедешь в новый дом, – сказала девчонка.

– Да ну?

– Твой папа ходил сегодня в банк.

– Я знаю. Но он говорит, не факт, что это произойдет. Они могут не дать ему ту штуку, которая нужна.

– Ипотеку, – терпеливо поправила девчонка. – Но они дадут.

– Откуда ты знаешь?

– Он ведь знаменитый писатель, разве не так? Он мастер все улаживать. – Она посмотрела на картинку, которую рисовал Джейк, и улыбнулась сама себе. – Прямо как ты.

Его озадачила эта улыбка. Какая-то она была странная – словно девчонка и радовалась, и при этом одновременно о чем-то грустила. Если подумать, то именно такие чувства он и сам испытывал насчет этого переезда. Ему больше не нравилось в прежнем доме, и Джейк знал, что и папа в нем несчастен, но переезд все равно представлялся чем-то таким, чего делать не следует, даже хотя это *именно он* приметил новый дом на папином «Айпэде», когда они искали его вместе.

– Я ведь увижу тебя после переезда? – спросил он.

– Ну, конечно же, увидишь! Сам знаешь, что увидишь!

Но тут девчонка, подавшись вперед, заговорила более настойчиво:

– Хотя, что бы ни случилось, всегда помни, что я тебе говорила. Это очень важно. Ты должен пообещать мне, Джейк.

– Обещаю. Но все-таки что все это *значит*?

На секунду ему показалось, что она собирается объяснить немного подобней, но тут в дальнем конце комнаты зажужжал зуммер домофона.

– Слишком поздно, – шепнула девчонка. – Твой папа уже здесь.

4

Похоже, когда я подъехал к «Клубу 567», большинство детей играли во дворе. Паркуясь, я слышал разноголосый смех. Вид у них у всех был такой счастливый – такой *нормальный*, – и на миг мой взгляд скользнул по ним в поисках Джейка, в надежде увидеть его среди них.

Но, естественно, моего сына там не было.

Нашел я его внутри – он сидел ко мне спиной, сгорбившись над рисунком. Сердце немного кольнуло при виде его. Джейк мал для своего возраста и из-за этой позы казался еще крошечней и уязвимей, чем обычно. Словно пытался спрятаться в картинке, лежащей перед ним.

Кто смог бы его винить? Я знал, что ему тут не нравилось, пусть даже он никогда и не возражал против поступления сюда или не жаловался на это после. Но, похоже, у меня не было выбора. Со смерти Ребекки навалилось так много непосильных для меня событий: впервые мне пришлось самому отвести его в парикмахерскую; заказывать школьную форму; беспомощно теревить упаковочную бумагу, заворачивая его рождественские подарки, потому что я ничего нормально не видел из-за слез... Бесконечный перечень. Но по какой-то причине школьные каникулы оказались самым тяжелым испытанием. Как я ни любил Джейка, у меня не было возможности проводить весь день, все дни вместе с ним. Не чувствовалось, что осталось достаточно от *меня самого*, чтобы заполнить все эти часы, и хотя я проклинал себя за неспособность быть тем отцом, в котором он нуждался, правда заключалась в том, что иногда мне требовалось время и для самого себя. Чтобы забыть о пропасти между нами. Чтобы не обращать внимания на мою растущую неспособность нести свалившееся на меня бремя. Чтобы была возможность сломаться и поплакать немного, зная, что он вдруг не войдет и не увидит меня.

– Привет, дружок!

Я положил руку ему на плечо. Он не поднял взгляд.

– Привет, папа.

– Ну, чем занимался?

– Да так, ничем особенным.

Плечо под моей рукой едва уловимо дернулось. Казалось, его тело едва осязаемо, почему-то даже легче и мягче ткани футболки, которая на него надета.

– Поиграл тут кое с кем.

– Кое с кем? – переспросил я.

– С одной девчонкой.

– Класс! – Я наклонился над ним и посмотрел на лист бумаги. – И порисовать успел, я гляжу...

– Нравится?

– Ну, конечно! Просто здорово.

Вообще-то я не совсем понял, что там изображено, – вроде какой-то бой, хотя было совершенно невозможно определить, где какая сторона и что вообще происходит. Джейк очень редко рисовал что-либо статичное. Его рисунки словно оживали, на бумаге разворачивалось движение, так что конечный результат напоминал какой-то фильм, где ты видишь все сцены одновременно, накладывающиеся друг на друга.

Хотя Джейк был творческой личностью, и это мне нравилось. Это оказалось одним из направлений, в котором он напоминал меня самого – той связью, что нас объединяла. Хотя правда заключалась в том, что я едва ли написал хоть слово за те десять месяцев, что прошли после смерти Ребекки.

– Мы что, переезжаем в новый дом, па?

– Да.

– Выходит, тот человек в банке послушался тебя?

– Давай просто скажем, что я проявил творческую убедительность относительно щекотливого состояния моих финансов.

– А что такое «щекотливого»?

Меня почти удивило, что он этого не знает. Давным-давно мы с Ребеккой договорились разговаривать с Джейком как со взрослым, а если он не поймет каких-то слов, мы ему объясним. Он впитывал все, как губка, и частенько это приводило к странным результатам. Но «щекотливый» не было словом, которое мне хотелось бы объяснять ему прямо сейчас.

– Это означает повод для беспокойства для меня и человека в банке, – сказал я. – Не для тебя.

– Когда переезжаем?

– Как можно скорее.

– А как мы всё перевезем?

– Найдем фургон. – Подумав про деньги, я постарался перебороть укол паники. – Или просто перекинем всё на своей машине – хорошенько упакуем и сделаем несколько ходок. Наверное, *абсолютно все* взять с собой не получится, но можем перебрать твои игрушки и определить, что тебе хочется оставить.

– Я хочу оставить все, что есть.

– Посмотрим, хорошо? Я не собираюсь заставлять тебя избавиться от того, от чего ты избавляться не хочешь, но из очень многих ты уже вырос. Может, какому-нибудь малышу они больше понравятся...

Джейк ничего не ответил. Наверное, из многих игрушек он и вырос, но с каждой были связаны какие-то воспоминания. Ребекка всегда была ближе к Джейку, включая и игры, и я по-прежнему мог представить ее, сидящую на коленях на полу и передвигающую фигурки и кубики. Бесконечно, прекрасно терпеливая с ним во всем, в чем мне было трудно проявлять терпение. Его игрушки были вещами, к которым она прикасалась. Чем старше они становились, тем больше оставалось на них ее отпечатков пальцев. Невидимой концентрации ее присутствия в его жизни.

– Как уже сказал, я не собираюсь заставлять тебя избавиться от того, от чего ты избавляться не хочешь.

Что напомнило мне про его Пакет для Особых Вещей. Он лежал на столе рядом с рисунком – потертая кожаная папка, размером приблизительно с книгу в твердой обложке, закрывающаяся на застежку-молнию с трех сторон. На вид она напоминала органайзер без страниц, хотя бог знает, зачем Ребекке могла такая понадобиться.

Через несколько месяцев после ее смерти я перебрал кое-какие из ее вещей. Моя жена всю свою жизнь была большой барахольщицей, при всей своей практичности, и множество всякого ее старого хлама хранилось в коробках, убранных в гараж. Однажды я вытащил кое-что и стал просматривать. Некоторые вещи, совершенно не связанные с нашей совместной жизнью, относились к ее детству. Казалось, это должно было облегчить мне задачу, – но дудки. Детство является – или должно быть – счастливым временем, и все же я знал, что эти обнадеживающие, беззаботные артефакты привели к несчастливой концовке... Я невольно расплакался. Подошел Джейк, положил ладошку мне на плечо, и когда я не отреагировал сразу же, обхватил меня своими крошечными ручками. После этого мы просмотрели некоторые из этих вещей вместе; он нашел то, чему предстояло стать Пакетом, и спросил меня, можно ли ему это взять. Конечно же, можно, ответил я. Он может взять абсолютно все, что ему захочется.

Пакет был пуст на тот момент, но Джейк сразу же начал его заполнять. Некоторые из вещей перекочевали туда из запасов Ребекки. Там были письма, фотографии, мелкие безделушки. Рисунки, которые он нарисовал, какие-то важные для него предметы... Словно «хранитель» какого-нибудь чародея – вроде черной кошки или вбрана, – Пакет редко оказывался

вдали от него, и, за исключением нескольких вещей, я и понятия не имел, что находится внутри. И не стал бы смотреть, даже если б подвернулась такая возможность. Это были *его* Особые Вещи, в конце концов, и только он имел право ими распоряжаться...

– Ну давай, дружок, – сказал я. – Собирай свои манатки, и пошли.

Джейк сложил рисунок и вручил мне. Что бы там ни было изображено, тот явно не был достаточно важен, чтобы удостоиться чести попасть в Пакет, – который он подхватил самолично и понес к двери, где на крючке висела его бутылка с водой. Я нажал на зеленую кнопку, отпирая дверь, и обернулся. Шэрон была поглощена мытьем посуды.

– Не хочешь попрощаться? – спросил я у Джейка.

Он обернулся в дверях и с секунду выглядел грустным. Я ожидал, что он попрощается с Шэрон, но вместо этого Джейк помахал пустому столу, за которым сидел в момент моего появления.

– Пока! – крикнул он. – Обещаю, что не забуду!

И, прежде чем я успел хоть что-то сказать, поднырнул под мою руку.

5

В тот день, когда умерла Ребекка, Джейка забирал я.

Днем, согласно собственному писательскому расписанию, я собирался поработать, и когда Ребекка спросила, не могу ли я забрать Джейку вместо нее, моей первой реакцией было раздражение. Согласно договору, следующую книгу предстояло сдать всего лишь через несколько месяцев, и большую часть дня я провел в безуспешных попытках хоть что-нибудь написать, – в смутной надежде, что в последние полчаса работы произойдет чудо. Но вид у Ребекки был бледный и дрожащий, так что я поехал.

На обратном пути в машине я изо всех сил старался задавать Джейку вопросы, как прошел его день, и абсолютно без толку. Совершенно стандартная ситуация. Либо он не помнил, либо не хотел разговаривать. Как обычно, казалось, что он куда охотней отвечал бы Ребекке, что, в сочетании с застрявшей книгой, заставляло меня чувствовать себя еще более тревожно и неуверенно, чем обычно. Едва мы подъехали к дому, как он молнией выскочил из машины. Можно он пойдет проведать мамочку? Да, сказал я ему. «Я уверен, что ей это понравилось бы. Но она не слишком хорошо себя чувствует, так что будь с ней помягче – и не забудь снять ботинки, потому что, сам знаешь, твоя мамочка терпеть не может беспорядка».

А потом я потолкался еще немного у машины, никуда не спеша и чувствуя обычную тоску – за что ни возьмусь, все наперекосяк! Медленно потянулся к дому, выложил барахло в кухне – и тут заметил, что ботинки моего сына *не* сняты и не оставлены в том месте, где я потребовал. Поскольку, естественно, он меня не послушался. В доме было тихо. Я предположил, что Ребекка пошла прилечь наверху, а Джейк поднялся к ней, и что всё в полном порядке.

Не считая меня.

И лишь наконец зайдя в гостиную, я увидел, что Джейк стоит в ее дальнем конце, возле двери, ведущей на лестницу, уставившись на что-то на полу, чего мне не было видно. Он стоял неподвижно, застыв, словно загипнотизированный тем, на что смотрел. Медленно подойдя к нему, я заметил, что Джейк совершенно не двигается, только дрожит всем телом. И тут увидел Ребекку, лежащую в самом низу лестницы.

После этого – словно провал. Знаю, что увел Джейку. Знаю, что позвонил в «Скорую». Знаю, что сделал все правильные вещи. Но хоть убей не помню, *как* я все это делал.

И что хуже всего, хоть он мне ничего и не говорил, я уверен, что Джейк прекрасно все помнит.

* * *

Десять месяцев спустя мы вместе прошли через кухню, где чуть ли не все свободные поверхности были уставлены тарелками и чашками, а небольшое пространство стола у стены, оставшееся на виду, покрыто пятнами и крошками. Игрушки, раскиданные по голым полам передней комнаты, выглядели позабытыми и заброшенными. При всех моих разговорах о необходимости разобрать игрушки перед переездом, мы вроде уже пробежались по всему своему барахлу, взяли все, что нужно, и оставили остальное раскиданным, словно мусор. Уже несколько месяцев над домом словно нависала темная тень, которая со временем становилась лишь темнее, словно день, постепенно склоняющийся к вечеру. Казалось, что когда умерла Ребекка, дом наш начал понемногу рассыпаться на куски. Но что удивляться, она всегда была его сердцем...

– Можно я возьму свою картинку, папа?

Джейк уже стоял на коленях на полу, собирая раскатившиеся по углам разноцветные фломастеры.

– «Волшебный мир»?

– Ну пожалуйста!

– Да, конечно же, можно. – Я положил картинку рядом с ним. – Сэндвич с ветчиной?

– А можно лучше вкусенького?

– Давай потом.

– Хорошо.

Я расчистил немного пространства в кухне и намазал маслом два ломтя хлеба, потом вложил в сэндвич три ломтя ветчины и разрезал его на четыре части. Пытаясь прорваться сквозь депрессию.

Шаг за шагом. Продолжай двигаться.

Я не мог удержаться, чтобы не подумать о том, что произошло в «Клубе 567» – Джейк помахал на прощание пустому столу. Насколько я помню, у моего сына всегда водились воображаемые друзья того или иного рода. Он всегда был ребенком-одиночкой – было в нем что-то закрытое и интроспективное, что, казалось, отталкивало от него остальных детей. В хорошие дни я мог притворяться, будто это лишь потому, что он самодостаточен и счастлив в своей собственной голове, и твердить себе, что все это абсолютно естественно. Большую же часть времени это не доставляло мне ничего, кроме тревоги и беспокойства.

Ну почему Джейк не может быть как все другие дети?

Более «нормальным»?

Отвратительная мысль, я знаю, но мне лишь хотелось защитить его. Когда ты такой тихий одиночка, мир может быть довольно жесток, а я не хотел, чтобы Джейк прошел через то же самое, через что прошел я в его возрасте.

Неважно: до настоящего момента эти воображаемые друзья заявляли о себе практически незаметно – больше похоже на небольшие беседы, которые он вел сам с собой, – и я не был уверен, что мне нравится это новое достижение. Я ничуть не сомневался, что девчонка, с которой, по его словам, Джейк разговаривал весь день, существует лишь у него в голове. Впервые он признал нечто подобное вслух – разговаривая с кем-то перед другими людьми, – и это меня слегка напугало.

Естественно, Ребекку это ничуть не смущало. «Все нормально – просто позволь ему быть самим собой». А поскольку во многом она разбиралась гораздо лучше меня, я изо всех старался следовать ее совету. Но теперь... Теперь я терялся в догадках, не требуется ли ему реальная помощь.

Или, может, он действительно был просто самим собой.

Вот еще одна угнетающая вещь, с которой я должен был бы уметь справиться, но не знал как. Я не знал, что в такой ситуации будет правильным, или как стать ему хорошим отцом. Господи, была бы тут сейчас Ребекка!

«Как же мне тебя не хватает...»

Но лишь при одной этой мысли могли появиться слезы, так что я решительно оборвал ее и подхватил тарелку. И едва успел сделать это, как услышал из передней комнаты тихий голос Джейка:

– Да. – И тут же, словно в ответ на что-то, чего я не слышал: – Да, я знаю.

По спине у меня пробежал холодок.

Я тихонько подошел к дверям, но не стал переступать порог – просто стоял, прислушиваясь. Мне не было видно Джейка, но солнечный свет, льющийся через окно в дальнем конце комнаты, отбрасывал его тень на подушки дивана – бесформенный силуэт, даже не сразу узнаваемый, как человеческий, но немногодвигающийся, словно раскачивающийся взад-вперед на коленях.

– Я помню.

Потом – несколько секунд молчания, в котором единственным звуком было биение моего сердца. Я осознал, что затаил дыхание. Когда Джейк заговорил опять, голос его звучал гораздо громче, и в нем явственно звучала тревога:

– Я не хочу им говорить!

И в этот момент я переступил через порог.

На миг я не был уверен, что именно ожидаю увидеть. Джейк сгорбился на полу в точности там, где я его и оставил; только теперь он смотрел куда-то вбок, позабыв про лежащий рядом рисунок. Я проследил за его взглядом. Никого там не было, естественно, но он так пристально смотрел на пустое место, что было легко представить чье-то присутствие в воздухе.

– Джейк? – тихонько позвал я.

Он не обернулся ко мне.

– С кем это ты там разговариваешь?

– Ни с кем.

– Но я же *слышал* твой голос.

И тут он слегка повернулся, опять подхватил фломастер и принялся рисовать. Я сделал еще один шаг вперед.

– Не будешь ли так добр отложить свой рисунок и ответить мне?

– Зачем?

– Потому что это важно.

– Я ни с кем не разговаривал.

– Как насчет отложить фломастер, потому что я тебя попросил?

Но он продолжал рисовать; рука его двигалась теперь энергичней, фломастер описывал отчаянные круги вокруг маленьких фигурок на бумаге.

Горечь обиды сменилась злостью. Так часто Джейк казался проблемой, которую я не в состоянии решить, и я ненавидел себя за беспомощность и безрезультативность! И в то же самое время негодовал на то, что он никогда не давал мне никакой подсказки. Никогда не делал шаг навстречу. Я ведь хотел *помочь* ему – хотел удостовериться, что у него все в порядке! И не чувствовал, что преуспею в этом в одиночку.

Я осознал, что слишком сильно сжимаю тарелку.

– Твой сэндвич готов.

Я поставил тарелку на диван и даже не стал смотреть, прекратит он рисовать или нет. Просто развернулся и направился обратно в кухню, где прислонился к столу и прикрыл глаза. По какой-то причине сердце гулко ухало в груди.

«Мне так тебя не хватает! – мысленно обратился я к Ребекке. – Жаль, что тебя сейчас здесь нет! По множеству причин, но в данный момент потому, что я не думаю, что справлюсь!»

Я расплакался. А и плевать. Джейк либо рисует, либо ест; сюда он не войдет. Зачем ему сюда входить – ведь здесь он увидит только меня... Так что все нормально. Мой сын вполне может иногда тихонько поговорить с людьми, которых не существует. Поскольку я говорю столь же тихо, мне тоже можно.

«Мне так тебя не хватает...»

* * *

В тот вечер, как и всегда, я отнес Джейка в постель. Как и всегда после смерти Ребекки. Он отказывался смотреть на место, в котором увидел ее тело, цеплялся за меня, затаив дыхание и зарывшись лицом мне в плечо. Так было каждый вечер, каждое утро, каждый раз, когда ему надо было в ванную. Я понимал, почему, но он становился тяжеловат для меня, и не только в плане веса.

Оставалось лишь надеяться, что скоро все изменится.

После того как Джейк уснул, я опять спустился вниз и сел на диван с бокалом вина и своим «Айпэдом», на который загрузил информацию о нашем новом доме. Вид фотографии на веб-сайте тоже вызывал у меня беспокойство, хотя и на каком-то другом уровне.

Можно было смело сказать, что как раз Джейк и выбрал этот дом. Я оказался неспособен поначалу увидеть его привлекательные стороны. Маленький, двухэтажный, отдельно стоящий – и даже не старомодный, а просто старый, с неуловимым налетом ветхости и запустения. Но было в нем и нечто диковатое. Окна казались странно расположенными, так что было трудно с ходу представить его внутреннюю планировку, а углы скатов крыши немного различались, отчего казалось, что дом пылливо – а может, даже сердито – склоняет голову набок. Но было также и более общее ощущение, мало поддающееся описанию – некое щекотание в затылке. Короче говоря, с первого же взгляда этот дом меня несколько нервировал.

И все же с того самого момента, как Джейк его увидел, он сразу на него запал. Что-то в этом доме полностью очаровало его – до такой степени, что он даже отказался смотреть остальные.

Когда Джейк сопровождал меня на первом осмотре, его этот дом словно загипнотизировал. Я же по-прежнему не был убежден в нашем выборе. Внутри оказалось довольно просторно, но мрачновато. Пыльные шкафы и стулья, пачки старых газет, картонные коробки, драный матрас в запасной комнате на первом этаже... Владелица, пожилая миссис Ширинг, рассыпалась в извинениях – все это принадлежало жильцу, которому она сдавала дом, объяснила женщина, и к моменту заключения сделки будет убрано.

Но Джейк был тверд, как камень, так что я организовал второй осмотр, на сей раз без него. Тогда-то и начал смотреть на дом совсем другими глазами. Да, вид у него был старомодный и малость перекошенный, но это придавало ему некий дворянский шарм. И то, что раньше представлялось сердитым взглядом, теперь казалось просто настороженностью, словно дом когда-то в прошлом обидели, и вам следовало постараться, чтобы завоевать его доверие.

Характер, предположил я.

Даже если так, мысль о переезде ужасала меня. Вообще-то в тот день какая-то часть меня надеялась, что банковский менеджер узрит истину сквозь полуправду, которую я скормил ему о своей финансовой ситуации, и отклонит мой ипотечный запрос. Хотя теперь я чувствовал облегчение. Оглядывая переднюю комнату, полную пыльных, разрозненных остатков жизни, которая у нас некогда была, я все ясней чувствовал, что мы оба не можем продолжать жить, как жили. Какие бы трудности ни ждали впереди, нам надо валить отсюда подобра-поздорову. И как трудно ни придется мне в ближайшие месяцы, моему сыну это нужно. Нам обоим это нужно.

Нам придется все начать с нуля. Там, где Джейка не придется носить на руках вверх-вниз по лестнице. Где он сможет найти друзей, которые существуют не только у него в голове. Где я не буду видеть в каждом углу своих собственных призраков.

Теперь, опять посмотрев на фото нашего нового дома, я подумал, что каким-то странным образом он подходит и Джейку, и мне. Что, как и мы сами, это белая ворона, которой трудно вписаться в какую-либо компанию. Что мы замечательно с ним сживемся. Даже название городка звучало тепло и ободряюще.

Фезербэнк⁴.

Звучало как название места, в котором мы будем в полной безопасности.

⁴ В основе названия – слова «перышко» или «пушинка».

6

Как и Пит Уиллис, детектив-инспектор Аманда Бек хорошо знала о важности первых сорока восьми часов. Руководимой ею группе предстояло провести следующие двадцать из них за обследованием различных маршрутов, которые мог избрать Нил Спенсер, а также опросами родственников и созданием психологического портрета пропавшего мальчика. Были получены фотографии. Проанализированы его последние известные действия. А потом, на следующее утро, ровно в девять проведена пресс-конференция, где средствам массовой информации было представлено описание Нила и его одежды.

Родители Нила молчаливо сидели по бокам от Аманды, которая обратилась к возможным свидетелям с просьбой немедленно выйти на связь. Всех троих регулярно освещали вспышки фотографов. Аманда из всех сил старалась не обращать на них внимания, но чувствовала, что родители Нила болезненно реагируют на каждый ярко-белый всполох, слегка вздрагивая, как от укола.

– Просим граждан проверить гаражи и сараи на своих участках, – объявила инспектор собравшимся.

Говорить она старалась спокойно и без эмоций. Главной ее задачей на данный момент, помимо обнаружения Нила Спенсера, было смягчить страхи населения, и хотя она вряд ли могла заявить с ходу, что Нил абсолютно точно *не* похищен, но, по крайней мере, была вполне вправе прояснить, на чем в данный момент сосредоточено расследование.

– Наиболее вероятное объяснение заключается в том, что с Нилом произошел какого-то рода несчастный случай, – говорила Аманда. – И хотя он отсутствует уже пятнадцать часов, мы очень надеемся, что найдем его в добром здравии, и скоро.

В частных же беседах она не выказывала подобной убежденности.

* * *

Одним из первых действий, предпринятых Амандой по возвращении в управление, после того как пресс-конференция закончилась, был приказ без лишнего шума собрать всех лиц, ранее совершавших преступления сексуального характера, и подвергнуть их основательному допросу.

На протяжении дня территория поисков расширилась. Участки проходящей через городок реки – маловероятный вариант – были протралены драгами, и начался широкомасштабный подомовой обход. Анализировались записи с камер наблюдения. Их Аманда изучила лично – на них было видно начало пути Нила, но после того как он вышел на пустырь, следы его терялись, и больше он нигде не появлялся. Где-то между двумя определенными географическими точками мальчик бесследно исчез.

Окончательно вымотанная, Аманда потеряла лицо, чтобы немного взбодриться.

Полицейские вновь отправились на пустырь, на сей раз при дневном свете, и обследование карьера продолжилось.

По-прежнему нигде не было и следа Нила Спенсера.

А вот в средствах массовой информации он появлялся регулярно. В новостях постоянно показывали его фотографии, особенно часто ту, на которой он застенчиво улыбался в футбольной рубашке, – это был один из немногих нашедшихся у родителей снимков, на котором мальчик выглядел радостным. В репортажах демонстрировались схематические карты, на которых ключевые места были обведены красными кружками, а возможные маршруты выделены желтыми пунктирными линиями.

Запись пресс-конференции тоже дали в эфир. Аманда просмотрела ее на своем планшетном компьютере уже тем же вечером, в постели, и подумала, что вид у родителей Нила на экране даже еще более пришибленный, чем показалось поначалу. На дневном инструктаже она предостерегла своих сотрудников, многие из которых тоже были родителями, что, хотя обстоятельства, окружающие исчезновение Нила Спенсера, неоднозначны и противоречивы, с его матерью и отцом следует обращаться с максимальной деликатностью. Не стоило и говорить, что родители они далеко не образцовые, но Аманда не подозревала их в том, что они каким-то прямым образом вовлечены в исчезновение своего сына. Согласно полицейским досье, отец привлекался за ряд незначительных правонарушений – появления в общественных местах в пьяном виде и нарушения общественного порядка, – но ничего такого, из-за чего к нему стоило приглядеться попристальней. Матери с полицией дела иметь не приходилось. Но, что более важно, оба, похоже, были действительно всерьез потрясены случившимся. И оба обошлись без взаимных упреков, как ни трудно это было представить.

Оба искренне хотели, чтобы сын вернулся домой.

* * *

Спала Аманда плохо и вернулась в управление ни свет ни заря. С момента исчезновения Нила прошло уже больше тридцати шести часов, и лишь считанные из них ей выпало потратить на отдых. Сидя у себя в кабинете, она размышляла о пяти категориях пропажи детей и все более приходила к весьма печальному заключению. Она не считала, что родители Нила бросили его или выгнали из дому. Если с ним произошел какой-то несчастный случай по пути домой, его уже давно нашли бы. Похищение кем-то из родственников представлялось крайне маловероятным. И хотя ничуть не исключалось, что он мог просто сбежать, она отказывалась верить, что шестилетний мальчишка мог бы так долго скрываться без денег или каких-либо припасов.

Не сводя взгляда с фото Нила Спенсера, прикнопленного к стене, Аманда прикинула вероятность самого кошмарного сценария.

Похищения кем-то, не являющимся членом семьи.

Люди в массе своей обычно считают это похищением каким-нибудь *чужаком*, но здесь как раз важна точность. Детей в этой категории редко похищают люди, совершенно им не известные. Чаще всего похититель уже имеет с ними какого-то рода приятельские отношения, заманивает их, как-то втирается в доверие, хотя и располагается где-то на периферии их повседневной жизни. Так что фокус расследования теперь сместился – те направления, которые на протяжении предыдущих полутора суток считались второстепенными, вышли на первый план. Друзья семьи. Семьи друзей. Более пристальное рассмотрение известных лиц, совершавших преступления сексуального характера. Интернет-активность в доме. Аманда вновь загрузила имеющиеся записи с камер наблюдения и принялась пересматривать их под другим мысленным углом, сосредоточившись теперь не столько на добыче, сколько на потенциальных хищниках, которые могли оказаться на заднем плане.

Родителей Нила опросили еще раз.

– Ваш сын не жаловался на нежелательное внимание со стороны других взрослых? – спросила Аманда. – Не упоминал ли он, что кто-то к нему пристаёт или пытается завязать отношения?

– Нет! – Уже сама по себе подобная мысль отца Нила крайне возмутила. – Я бы уж, елки-палки, с таким разобрался, как думаете? И вам, блин, не кажется, что я давно уже про такое упомянул бы?

Аманда вежливо улынулась.

– Нет, – сказала мать Нила.

Но не столь твердо.

Когда инспектор поднажала на нее, женщина признала, что *действительно* что-то такое припоминает. Тогда ей не пришлось в голову куда-то сообщать об этом – и даже после того как Нил пропал, ведь это было так странно, так глупо, – и, во всяком случае, в тот момент она почти спала, так что едва ли даже помнит произошедшее.

Аманда вновь вежливо улыбнулась, хотя едва сдерживалась, чтобы не оторвать этой тупой тетке башку.

Через десять минут она уже поднималась в кабинет своего начальника, старшего детектива-инспектора Колина Лайонса. От усталости или от нервов, но Аманда едва унимала небольшую дрожь в ногах. Сам Лайонс тоже выглядел не лучшим образом. Он имел к расследованию самое непосредственное отношение и не хуже Аманды понимал ситуацию, с которой они с наибольшей вероятностью имеют дело. Но даже в таком случае это недавнее достижение отнюдь не было тем, что он хотел бы услышать.

– Это ни в коем случае не должно попасть в прессу, – тихо проговорил Лайонс.

– Согласна, сэр.

– А что мать? – Он вдруг поднял на нее встревоженный взгляд. – Ты предупредила ее, чтобы она никому про это не рассказывала? Вообще никому?

– Да, сэр.

«Да, мля, естественно, сэр!» Хотя Аманда сомневалась, что в этом есть необходимость. Тон некоторых публикаций и комментариев и без того был осуждающий и возмущенный, а родители Нила уже достаточно прочувствовали свою ответственность за произошедшее, чтобы намеренно взваливать на себя еще.

– Хорошо, – сказал Лайонс. – Потому что бог знает...

– Я знаю, сэр.

Откинувшись в кресле, он на несколько секунд прикрыл глаза, глубоко дыша.

– Ты в курсе про то дело?

Аманда пожала плечами. Про него вроде все в курсе. Но это не то же самое, что *действительно знать*.

– Не до мельчайших подробностей, – сказала она.

Лайонс открыл глаза и теперь сидел, уставившись в потолок.

– Тогда нам понадобится кое-чья помощь, – произнес он.

Сердце Аманды немного упало при этих словах. Для начала, последние два дня она работала буквально на износ, и ее особо не грела мысль о том, чтобы в данный момент делиться с кем-то наработками по делу. Во-вторых, для этого требовалось вызывать из небытия полузабытого призрака, имя которого было сейчас практически произнесено.

Фрэнк Картер.

«Шептальщик».

Бороться с людскими страхами теперь будет гораздо сложнее. Даже невозможно, если эта новая подробность выплывет наружу. Теперь им и в самом деле придется быть очень осмотрительными.

– Да, сэр.

Лайонс подхватил со стола телефон.

И таким вот образом – поскольку время, прошедшее с момента исчезновения Нила Спенсера, приближалось к критической отметке в сорок восемь часов, – детектив-инспектор Пит Уиллис оказался вновь привлечен к расследованию.

7

Не то что он особо хотел, чтобы его привлекали...

Пит исповедовал достаточно простую философию, которая настолько въелась в него за многие годы, что стала скорее безотчетной, чем осознанной, программой, на которой строилась вся его жизнь.

Дьявол найдет работу для праздных рук.

Дурные мысли найдут пустые головы.

Так что он старался, чтобы и руки, и голова у него были постоянно заняты. Дисциплина и установленный порядок всегда стояли у Пита на первом месте, и после безрезультатных поисков на пустыре он провел большую часть последних сорока с лишним часов, занимаясь в точности тем, чем и всегда.

Раннее утро он встретил в спортзале департамента: жимы от плеч, прокачка на латеральные крыловидные мышцы и заднюю дельту. Каждый день Пит работал над какой-то другой частью тела. Это не был вопрос тщеславия или здоровья – скорее он находил уединение и сосредоточенность, требующиеся для физических упражнений, хорошим успокаивающим и отвлекающим фактором. И после трех четвертей часа в зале частенько с удивлением обнаруживал, что его голова большей частью милосердно пуста.

Этим утром он ухитрился вообще не думать про Нила Спенсера.

Потом провел большую часть дня в своем кабинете наверху, где гора незначительных дел у него на столе представляла собой еще более эффективный отвлекающий фактор. Будучи более молодым, более импульсивным человеком, он, наверное, стремился бы к более захватывающим делам, чем те совершенно тривиальные, с которыми ему сейчас приходилось иметь дело, но в последнее время Пит больше ценил спокойствие, которое можно было найти только в скучной текучке. Захватывающие дела и возбуждение не только редки в полицейской работе, но и не сулят ничего хорошего – обычно это означает, что пострадала чья-то жизнь. Желать чего-то захватывающего означало желать зла, а Пит досыта поимел и того, и другого. Душевное спокойствие приносили угоны автомобилей, магазинные кражи, выступления на суде по бесконечным банальным правонарушениям. Они говорили, что жизнь городка, словно исправные часики, спокойно тикает дальше – больших поводов для радости нет, но и на части ничего не разваливается.

И хотя Пит и не имел прямого отношения к расследованию по делу Нила Спенсера, совсем избежать его было нереально. Бесследно исчезнув, маленький мальчик отбрасывал огромную тень, и это быстро стало самым выдающимся делом в управлении. Пит слышал, как коллеги обсуждают различные его аспекты в коридорах: где сейчас может находиться Нил, что могло с ним случиться... И его родителей, конечно. Последнюю тему обсуждали тише, и это официально не поощрялось, но он все равно постоянно это слышал – до чего же безответственно было отправить такого маленького мальчишку пешком одного. Пит слышал похожие разговоры и двадцать лет назад, поэтому быстро проходил мимо, не более расположенный обмусоливать этот вопрос сейчас, чем тогда.

Около пяти вечера он тихо сидел за своим письменным столом, уже прикидывая, чем займется вечером. Жил он один и редко с кем-либо общался помимо работы, так что его привычкой давно уже стало порыться в поваренных книгах в поисках чего-нибудь замысловатого, а потом съесть приготовленное в полном одиночестве за обеденным столом. А потом можно посмотреть какой-нибудь фильм или почитать книжку.

И, конечно же, ритуал.

Бутылка и фотография.

И все же, собрав вещи и уже почти готовый уходить, Пит осознал, что его пульс учащенно бьется. Прошлой ночью впервые за многие месяцы вернулся все тот же старый кошмар: Джейн Картер шепчет: «Вам нужно поспешить!» ему по телефону. Как ни старайся, но совершенно избежать Нила Спенсера никак невозможно, а это означало, что более темные мысли и воспоминания сейчас гораздо ближе к поверхности, чем он предпочитал их обычно держать. Так что, когда Пит натянул куртку, он не был совсем уж удивлен, когда на письменном столе зазвонил телефон. Никак нельзя было знать точно, и все-таки он каким-то образом знал.

Когда он потянулся за трубкой, рука его немного дрожала.

– Пит, – донесся из трубки голос старшего детектива-инспектора Лайонса. – Рад, что застал тебя! Поднимайся, надо коротенько переговорить.

* * *

Подозрения подтвердились, как только он вошел в кабинет старшего детектива-инспектора. По телефону Лайонс ничего не сказал, но детектив-инспектор Аманда Бек тоже находилась здесь, сидя спиной к нему за ближайшим к двери столом. Работала она сейчас только над одним расследованием, а это означало, что имелась лишь одна причина, по которой его вызвали.

Закрывая дверь, Пит постарался сохранять спокойствие. Пытался – с особым старанием – не думать о сцене, ожидавшей его, когда он наконец добрался до пристройки Фрэнка Картера двадцать лет назад.

Лайонс широко улыбнулся. Его улыбкой можно было осветить комнату.

– Хорошо, что пришел. Присаживайся.

– Спасибо. – Пит присел рядом с Бек. – Привет, Аманда.

Бек кивнула в ответ и одарила его мимолетной улыбкой – явно уступающей по мощности мегакиловаттной улыбке старшего детектив-инспектора и едва осветившей ее собственное лицо. Пит не очень хорошо ее знал. Она была на двадцать лет моложе его, но в данный момент выглядела гораздо старше своих лет. Вымотана до предела – и нервничает вдобавок, подумал он. Может, беспокоится, что ее профессиональный авторитет оказался под угрозой и дело может уплыть у нее из рук... Он слышал, что Бек довольно амбициозна. На этот счет он мог ее успокоить. Хотя Лайонс наверняка достаточно безжалостен, чтобы снять ее с расследования, если бы счел это нужным, он никогда не передал бы дело Питу.

Они с Лайонсом были примерно ровесниками, но, несмотря на неравенство в званиях, Пит вообще-то поступил на службу на год раньше, и во многом его карьера была более пестрой. Другими словами, сейчас он вполне мог сидеть за этим письменным столом на месте Лайонса, а тот – напротив него, и, возможно, так оно и *должно было быть*. Но Лайонс всегда был амбициозен, в то время как Пит, сознавая, что продвижение по службе само по себе способно вызвать неизбежные конфликты и драму, имел не слишком большое желание подниматься по карьерной лестнице дальше своего нынешнего положения. Он знал, что это всегда терзало Лайонса. Когда стремишься к чему-то так сильно, как он, мало что так раздражает, как наличие под боком кого-то, кто мог бы добиться этого куда проще, но, похоже, не имеет к тому ни малейшего желания.

– Ты в курсе расследования по исчезновению Нила Спенсера? – спросил Лайонс.

– Да. Я участвовал в поисках на пустыре, еще в самый первый вечер.

Старший инспектор секунду смотрел на него – очевидно, приняв эти слова за упрек в собственный адрес.

– Я там живу совсем рядом, – добавил Пит.

Вообще-то Лайонс и сам жил примерно в том же районе, но тем не менее не прочесывал улицы в ту ночь. Правда, через секунду он кивнул сам себе. Ибо знал, что у Пита имелись собственные причины проявлять интерес к делам о пропавших детях.

– В курсе о достижениях с того момента?

«Я в курсе, что никаких достижений нет». Но такое замечание могло рикошетом отразиться на Бек, а она этого не заслуживала. Из того малого, что видел Пит, она вела расследование достойно и делала все, что могла. Если ближе к делу, то именно Бек приказала своим подчиненным не критиковать родителей, и ему это понравилось.

– Я в курсе, что Нила так и не нашли, – сказал Пит. – Несмотря на широкомасштабные поиски и расспросы.

– Какая у тебя версия?

– Я недостаточно серьезно следил за расследованием, чтобы иметь какую-то версию.

– Вот как? – Лайонса это явно удивило. – По-моему, ты говорил, что принимал участие в поисках в первую ночь...

– Это когда я думал, что его быстро найдут.

– Так что, теперь ты не думаешь, что его найдут?

– Я не знаю. Надеюсь, что найдут.

– Вообще-то я думал, что ты будешь следить за этим делом, учитывая твою историю...

Вот и первое упоминание. Первый намек.

– Может, моя история как раз и дает мне причину не следить.

– Да, могу это понять... Это было трудное время для всех нас.

В голосе Лайонса звучало сочувствие, но Пит знал, что это очередной источник взаимной обиды. Пит был тем, кто закрыл самое крупное дело в районе за последние пятьдесят лет, – и все же тем, кто завершил его в судебном порядке, оказался именно Лайонс. Расследование, вокруг которого кружил разговор, было довольно неловкой темой для обоих, причем сразу во множестве разных аспектов.

Лайонс и привел эту спираль к конечной точке.

– Также, насколько я понимаю, ты единственный, с кем Фрэнк Картер вообще станет разговаривать.

Вот оно.

Пит давненько не слышал, чтобы это имя произносили вслух, так что, наверное, это должно было как следует его встряхнуть. Но лишь вызвало на поверхность ползучий озноб, скрывавшийся до сих пор где-то внутри. Фрэнк Картер. Человек, который похитил и убил пятерых маленьких мальчиков в Фезербэнке двадцать лет назад. Человек, которого Пит в конце концов поймал. Само это имя вызывало у него такой ужас, что всегда казалось, будто его никогда нельзя произносить вслух – словно некое заклинание, способное вызвать чудовище у тебя за спиной. Но хуже всего то, как прозвали его газетчики. «Шептальщик». Это основывалось на том, как Картер втирался к доверию к своим будущим жертвам – уязвимым и беспризорным детям – перед тем, как захватить их. Он тихо разговаривал с ними через окно по ночам. Это была кличка, которую сам Пит никогда не позволял себе использовать.

Ему пришлось перебороть желание немедленно выйти из кабинета.

«Ты единственный, с кем он вообще будет разговаривать».

– Да.

– Почему, как ты думаешь? – спросил Лайонс.

– Потому что ему нравится прикалываться надо мной.

– Насчет чего?

– Насчет того, что он делал тогда. Насчет того, что я так и не выяснил.

– Но он тебе про это так и не рассказал?

– Нет.

– Зачем тогда заморачиваться разговорами с ним?

Пит помедлил. Это был вопрос, который он задавал себе бесчисленное число раз на протяжении многих лет. Его пугали эти встречи, и ему всегда приходилось подавлять дрожь, которую он чувствовал, усаживаясь за стол допросной в тюрьме в ожидании появления Картера. Потом он чувствовал себя сломленным, иногда на целые недели. Бывали дни, когда его вдруг начинало неконтролируемо трясти, и вечера, когда было трудно устоять перед бутылкой. По ночам Картер находил его в сновидениях – огромная, жуткая тень, заставлявшая его с криком просыпаться. Каждая встреча с этим человеком все сильнее разрушала Пита.

И все же он продолжал...

– Полагаю, есть смысл надеяться, что в один прекрасный день он все же проговорится, – ответил Пит как можно небрежной. – Может, случайно выложит что-нибудь важное...

– Что-нибудь насчет того, где он зарыл тело Смита?

– Да.

– И насчет своего сообщника?

Пит ничего не ответил.

Потому что опять – вот оно.

Двадцать лет назад останки четырех пропавших мальчиков были найдены в доме Фрэнка Картера, но тело его последней жертвы, Тони Смита, так и не было обнаружено. Ни у кого не было никаких сомнений, что Картер ответственен за все пять убийств, и сам он никогда этого не отрицал. Но правдой было и то, что в деле имелся ряд совершенно очевидных нестыковок. Ничего, что могло бы оправдать этого человека, – просто небольшие болтающиеся ниточки, которые оставили расследование растрепанным и неопрятным. Предполагалось, что одно из похищений произошло в совершенно определенный временной промежуток, но у Картера на большую часть этого промежутка имелось алиби, которое не делало похищение мальчика совершенно невозможным, просто оставляло место для некоторых сомнений. Имелись свидетельские показания, хотя и не очень заслуживающие доверия, описывающие отличающихся от него людей в совершенно определенных местах. Вещественных улик в доме Картера нашлось огромное множество, и имелись устные свидетельства, которые можно было бы считать гораздо более конкретными и надежными, но всегда оставались сомнения в том, что маньяк действовал в одиночку.

Пит не был убежден, разделяет ли он подобные сомнения, и большую часть времени просто старался закрывать глаза на такую возможность. Но сейчас он здесь явно как раз по этой причине. И, как и любой ужас, который надо встретить лицом к лицу, этот тоже предпочтительнее было бы вытащить на свет и разобраться с ним раз и навсегда. Так что Пит решил не обращать внимания на вопрос старшего детектив-инспектора и сразу перейти к делу.

– Могу я поинтересоваться, к чему весь этот разговор, сэр?

Лайонс помедлил.

– Все, что мы сейчас обсудим, не должно выйти за пределы четырех стен этого кабинета. Ясно?

– Конечно.

– Записи с камер наблюдения, которые мы имеем, предполагают, что Нил Спенсер пошел в направлении пустыря, но где-то в его пределах бесследно исчез. Поиски на данный момент не принесли никакого результата. Все места, куда он, по всей вероятности, мог случайно забрести, тщательно осмотрены. С ним не было ни друзей, ни кого-то из родственников. Естественно, мы были вынуждены рассмотреть иные варианты развития событий. Детектив-инспектор Бек?

Сидящая рядом с Питом Аманда встрепенулась. Когда она заговорила, голос ее звучал немного ершисто.

– Понятно, что все эти другие варианты мы рассматривали и с самого начала. Провели подомовые обходы. Допросили всех возможных кандидатов. Но пока это нас никуда не привело.

«Тут явно предполагается что-то еще», – подумал Пит.

– Но?..

Бек сделала глубокий вдох.

– Но я повторно опросила родителей всего час назад. Пыталась найти хоть что-нибудь, что было пропущено. Любую зацепку. И его мать сказала мне кое-что. Она не упомянула про это раньше, поскольку думала, что это просто глупо.

– Что именно?

Но даже когда Пит задал этот вопрос, то заранее знал ответ. Возможно, не дословно, но близко. На протяжении совещания фрагменты нового кошмара уверенно складывались вместе в единую картину.

Пропал маленький мальчик.

Фрэнк Картер.

Сообщник.

И вот Бек добавила завершающий фрагмент:

– Несколько недель назад Нил разбудил мать посреди ночи. Сказал, что видел за окном какое-то страшное чудовище. Занавески были раздернуты, как будто он действительно выглядывал наружу, но там никого не оказалось...

Аманда ненадолго примолкла.

– Он сказал, что оно ему что-то шептало.

Часть II Сентябрь

8

Когда мы забрали ключи у агента по недвижимости в Фезербэнке, Джейк был в полном восторге, хотя я чувствовал некоторое беспокойство, пока мы ехали в свой новый дом. А что, если он окажется не таким, каким запомнился мне во время осмотров? Что, если я сейчас зайду туда, и там мне решительно не понравится – или, что еще хуже, там не понравится Джейку?

Все тогда будет напрасно.

– Прекрати пинать сиденье, Джейк.

Стук сзади было прекратился, но почти сразу же начался опять. Заворачивая за угол, я вздохнул про себя. Но зато он был в восторге, что само по себе было крайне редким событием, так что я решил просто не обращать на это внимания. По крайней мере, хотя бы один из нас был счастлив.

Впрочем, день стоял замечательный. Даже в своем взвинченном состоянии я не мог не признать, что Фезербэнк, греющийся в солнечных лучах на исходе лета, был просто прекрасен. Формально это пригород, и хотя от перенаселенного городского центра нас отделяли каких-то пять миль, ощущение было такое, будто попал в деревню. Вдоль реки, на южной стороне городка, протянулись мощенные бульжником переулочки, застроенные небольшими коттеджами. Дальше к северу, в стороне от единственного ряда магазинов, круто лезли в гору улицы симпатичных домов из песчаника, и большинство тротуаров были засажены деревьями, листва которых густым шатром нависала над головой. Ехали мы с опущенными стеклами, воздух снаружи пах свежескошенной травой, и мне было слышно, как где-то звучит музыка и играют дети. Атмосфера здесь казалась совершенно безмятежной и умиротворяющей – такой же неспешной и теплой, как то ленивое утро...

Мы доехали до нашей новой улицы, представлявшей собою тихую жилую дорогу, к которой с одной стороны примыкало большое поле. По краям его тоже густо росли деревья; солнце прорезалось сквозь листву, расцвечивая траву яркими пятнами света. Я попытался представить Джейка, бегущего по нему от нашего нового дома, – футболка ярко отсвечивает на солнце... Такого же радостного, каким он был сейчас.

Нашего дома.

Наконец мы приехали.

Я зарулил на подъездную дорожку. Дом по-прежнему выглядел так же, конечно, но казалось, что здание смотрит на мир несколько по-иному. Когда я увидел его в первый раз, оно казалось неприступным и угрожающим – почти опасным, – а во второй я подумал, что у него есть характер. Теперь, всего лишь на секунду, странное расположение окон напомнило мне избитое лицо, с одним глазом, вытарашенным над сильно распухшей щекой, с проломленным и перекосившимся черепом. Я тряхнул головой, и этот образ исчез. Но жутковатое чувство осталось.

– Ну ладно, пошли, – негромко произнес я.

Когда мы выбрались из машины, день был тих и спокоен. Ни ветерка в теплом воздухе – мы оказались словно в капсуле, наполненной тишиной. Но мир тихо гудел, когда мы подходили к дому, и мне показалось, будто его окна наблюдают за нами – или же кто-то, кого просто не видно за стеклом. Повернув ключ в замке, я открыл дверь, и наружу вырвался застоявшийся воздух. Секунду он пах так, словно дом был наглухо заперт гораздо дольше, чем на самом деле;

возможно даже, что-то было забыто на солнце, – но через миг в ноздрях остался лишь аромат хлорки от моющих средств.

Мы с Джейком прошли по дому, открывая двери и встроенные шкафы, включая и выключая свет, раздергивая и задергивая шторы. Наши шаги эхом отдавались внутри – не считая их, тишина была теперь полной. Но, пока мы пробирались по комнатам, меня не оставляло чувство, что мы не одни. Что здесь есть кто-то еще, скрывающийся из виду, и что если я повернусь в нужный момент, то увижу лицо, выглядывающее из дверного проема. Это было совершенно глупое, иррациональное чувство, но оно было. И его, похоже, не избежал и Джейк. Он был в восторге, быстро перебегая из комнаты в комнату, но я то и дело ловил слегка недоуменное выражение у него на лице, словно он ожидал найти что-то, чего здесь не было.

– Это будет моя комната, папа?

Да, здесь должна была быть его спальня, на втором этаже, приподнятая над козырьком снаружи, так что его окно было меньше остальных – тот самый глаз, смотрящий на поле поверх распухшей щеки.

– Да. – Я взъерошил ему волосы. – Нравится?

Он поднял на меня взгляд.

– И он действительно *наш*?

– Да, – отозвался я. – Наш.

И тут Джейк обнял меня за ноги – настолько внезапно, что я чуть не потерял равновесие. Это было так, словно я показал ему лучший подарок, который он когда-либо видел, и Джейк волновался, что вдруг не сумеет его сохранить. Я присел на корточки, и мы уже по-человечески обнялись. Облегчение, которое я испытал, было буквально осязаемым, и вдруг только это и стало важным. Мой сын счастлив оказаться здесь, и я только что сделал для него что-то хорошее, а все остальное неважно. Я усталился поверх его плеча на открытую дверь и лестничную площадку за ним. Если и казалось по-прежнему, что там, прямо за углом, что-то есть, я знал, что это всего лишь мое воображение.

Мы будем здесь в безопасности.

Мы будем счастливы.

И первую неделю так все и было.

* * *

В тот момент я стоял, глядя на только что собранный книжный стеллаж и восхищаясь собственным мастерством. Умение работать руками никогда не было моей сильной стороной, но я знал, что Ребекка хотела бы, чтобы я это сделал, и я представил, как она сейчас прижимается ко мне сзади, прильнув щекой к моей спине, обнимая руками за грудь и улыбаясь своим мыслям. «Вот видишь? А говорил, не получится!» И хотя я едва успел распробовать вкус успеха, в последнее время даже такое было необычным для меня чувством, и оно мне нравилось.

Не считая, конечно, того, что я по-прежнему оставался один.

Я принялся заполнять полки. Ведь это тоже было одной из вещей, которую Ребекка обязательно сделала бы, и даже хотя в этот новый дом мы с Джейком въехали лишь сегодня, мне все равно хотелось этим гордиться. «Ты всегда раскидываешь книги, – сказала мне как-то Ребекка. – Это все равно что приманивать кота куском колбасы». Чтение было самым любимым ее занятием. Было так много теплых, умиротворяющих вечеров, когда мы уютно устраивались на разных концах дивана – я в меру сил писал на ноутбуке, а она с головой уходила в роман за романом. За годы у нас накопились сотни книг, и теперь я принялся за работу по их распаковке, расставляя одну за другой по местам.

И тут дело дошло до моих собственных. Полки рядом с компьютерным столом были оставлены для экземпляров четырех моих романов, вместе с различными заграничными переводами. Выставлять их на всеобщее обозрение казалось некоторым бахвальством, но Ребекка гордилась мной и всегда на этом настаивала. Так что это был еще один жест в ее сторону – как и пустое пространство, которое я оставил на полках для книг, которые еще не написаны, но обязательно будут.

Я бросил опасливый взгляд на компьютер. Если не считать кратковременного включения, чтобы проверить, как работает вай-фай, за прошедшую неделю я практически ничего на нем не сделал. За год не написал ни строчки. Это тоже теперь изменится. Новая жизнь, новый...

Кр-к!

Какой-то скрип у меня над головой, звук единственного шага. Я поднял взгляд. Прямо над головой располагалась комната Джейка, но я оставил его играть в передней комнате, пока занимался сборкой стеллажа и распаковкой.

Я двинулся к двери и выглянул на лестницу. Никого на площадке не было. Вообще-то показалось, что весь дом вдруг погрузился в тишину и спокойствие, как будто здесь не было никакого движения вообще. Тишина буквально звенела в ушах.

– Джейк? – крикнул я наверх.

Молчание.

– Джейк?

– Папа?

Я чуть не подпрыгнул на месте. Его голос донесся из передней комнаты, прямо рядом со мной. Не сводя взгляда с площадки, я сделал шаг в сторону передней комнаты и заглянул внутрь. Мой сын сгорбился на полу спиной ко мне, что-то рисуя.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Да. А что?

– Просто проверяю.

Я отступил назад, а потом снова несколько секунд смотрел на площадку. Там по-прежнему было тихо, но в пространстве теперь появилось странное чувство напряженности. И опять, – словно кто-то стоял, скрываясь из виду. Это было смешно, конечно же, поскольку никто не мог войти сюда без моего ведома. Дома, бывает, скрипят. Нужно какое-то время, чтобы привыкнуть к их звукам, только и всего.

Но даже если так...

Я стал подниматься наверх медленно и осторожно, тихо ступая, поднимая левую руку, готовый отразить нападение того, что выскочит на меня с той стороны. Поднялся на самый верх – и, конечно, площадка оказалась пуста. Когда я ступил в комнату Джейка, там тоже никого не оказалось. Клин дневного света падал из окна, и я хорошо видел крошечные завитки пыли, висящие в воздухе, совершенно непо потревоженные.

Просто скрипит старый дом...

Я более уверенно спустился вниз, чувствуя себя полным дураком, но и с большим облегчением, чем мне хотелось бы признать. В самом низу мне пришлось обойти раскиданную на двух последних ступеньках почту. Пока ее было достаточно много – обычные документы, которые неизбежно поступают с переездом в новый дом, вместе с бесчисленным числом рекламных листовок заведений, работающих навывнос, и прочими бумажным спамом. Но было здесь и три нормальных письма, адресованных некоему Доминику Барнетту. На всех трех имелись пометки «Лично» или «В собственные руки».

Мне припомнилось, что предыдущая владелица, миссис Ширинг, долгие годы сдавала этот дом, и, повинувшись какому-то непонятному побуждению, я вскрыл один из конвертов. Внутри обнаружился официально зарегистрированный счет от какого-то коллекторского агентства. Мое сердце упало. Кем бы ни был этот Доминик Барнетт, он задолжал этому агент-

ству чуть более тысячи фунтов за услуги мобильной связи. Я открыл другие письма, и они оказались тем же самым – уведомлениями о невыплаченных долгах. Я внимательно изучил подробности, нахмурившись про себя. Суммы были не очень большими, но тон писем – угрожающим. Я сказал себе, что это отнюдь не непреодолимая проблема – во всем можно разобратся за несколько телефонных звонков, – но этот переезд означал для нас с Джейком начало новой жизни. Я не ожидал, что он окажется сопряжен с необходимостью преодолевать какие-то препятствия.

– Папа?

В дверях рядом со мной появился Джейк. В одной руке он держал свой Пакет для Особых Вещей, в другой – лист бумаги.

– Ничего, если я поиграю наверху?

Я подумал про тот скрип, который услышал, и на секунду мне захотелось сказать «нет». Но опять-таки, это было просто абсурдно. Никого там не было, и это его спальня – он имел полное право играть там. Однако в тот день мы не слишком часто видели друг друга, и казалось, что если он скроется наверху, то окажется в полном одиночестве.

– Пожалуй, – проговорил я. – А можно сначала посмотреть твой рисунок?

Джейк помедлил.

– А зачем?

– Потому что мне интересно. Потому что мне хочется.

– Это личное.

Вполне разумно, и какая-то часть меня хотела отнестись к этому с уважением, но мне не нравилась мысль, что у него могут быть от меня какие-то секреты. Священный Пакет – это одно, но казалось, что если сын сейчас не покажет мне свои рисунки, тогда разделяющее нас расстояние еще больше увеличится.

– Джейк... – начал было я.

– Ну хорошо.

Он сунул мне лист. Теперь, когда его предложили, мне было уже неохота его брать.

Но я взял.

Джейку никогда раньше не удавались простые реалистичные сцены – он предпочитал свои замысловатые, разворачивающиеся во множестве направлений битвы, – однако сейчас он все-таки сделал такую попытку. Картинка была довольно грубой, но все же в ней узнавался вид нашего дома снаружи, напоминающий оригинальную фотографию, которая привлекла его внимание в Интернете. Джейк неплохо уловил странноватый вид дома. Кривые, детские линии придали ему несколько странный силуэт, растянув по вертикали, удлинив окна и сделав его еще больше похожим на человеческое лицо. Из входной двери-рта словно вырывался плаксивый стон.

Но особо привлек мое внимание верхний этаж. В правом окне Джейк изобразил меня, стоящего одного в моей спальне. Слева виднелся он сам в своей собственной комнате – окно было достаточно большим, чтобы показать его тело целиком. На лице сияет улыбка, а джинсы и футболка, которые были сейчас на нем, закрашены цветным мелком.

А рядом с собой в своей спальне Джейк изобразил еще какого-то человека. Маленькую девочку, черные волосы которой почти сердито свесились набок. Ее платье было усеяно синими пятнышками, оставляя остальное белым.

Красные царапинки на одной коленке.

И улыбка росчерком-птичкой.

9

В тот же вечер, когда Джейк принял ванну, я сел возле его постели, чтобы мы могли почитать друг другу. Он был отличный чтец, и в настоящий момент мы преодолевали «Силу трех» Дианы Уинн Джонс⁵. В детстве это была моя любимая книга, и я выбрал ее не задумываясь. Ужасная ирония названия открылась мне только потом.

Когда мы закончили предназначенную на этот вечер главу, я отложил книгу к остальным и спросил:

– Обнимашки?

Джейк без единого слова выскользнул из-под одеяла и сел боком мне на колени, обхватив меня руками за шею. Я смаковал обнимашки настолько долго, насколько смог, а потом он залез обратно в постель.

– Я люблю тебя, Джейк.

– Даже когда мы ссоримся?

– Конечно. *Особенно* когда мы ссоримся. Тогда это наиболее важно.

Это напомнило мне о картинке, которую я ему нарисовал – которую, как я знал, он бережно хранил. Я опустил взгляд на его Пакет для Особых Вещей, который теперь лежал под кроватью, так что если бы он ночью опустил туда свою маленькую руку, то смог бы до него дотронуться. Но это в свою очередь заставило меня вспомнить тот рисунок, который он нарисовал днем. Ему не доставило большого удовольствия показывать его мне, так что в тот момент я не стал его про него расспрашивать. Но в теплом, мягком свете его спальни казалось, что сейчас можно попробовать.

– Хорошо ты нарисовал наш дом сегодня, – произнес я.

– Спасибо, папа.

– Хотя мне кое-что любопытно... Кто эта девочка в окне рядом с тобой?

Джейк прикусил губу и не ответил.

– Да ладно, – мягко произнес я. – Мне-то ты можешь сказать.

Но он опять ничего не ответил. Было ясно: что бы это ни означало, эта девочка и была причиной, по которой он не хотел мне сегодня показывать рисунок и говорить про нее тоже не желал. Но почему?

Ответ пришел мне в голову буквально через секунду:

– Это девочка из «Клуба 567»?

Джейк немного помедлил, потом кивнул.

Я сел на пятки, изо всех сил стараясь скрыть, что немного обижен. Разочарован даже. В течение последней недели все, казалось бы, было просто отлично. Мы были счастливы здесь, Джейк вроде хорошо привыкал к новому месту, и я проявлял осторожный оптимизм. И все же совершенно очевидно, что его воображаемая подруга последовала за ним и сюда. Эта мысль заставила меня слегка поежиться – мысль, что мы оставили ее в прежнем доме, и с тех пор она терпеливо преодолевала оказавшиеся между нами мили, чтобы найти нас...

– Ты по-прежнему с ней разговариваешь? – спросил я.

Джейк помотал головой.

– Ее здесь нет.

По разочарованию в его собственном голосе было ясно, что он хотел, чтобы она была здесь, и я опять почувствовал беспокойство. В том, что мой сын заикнулся на ком-то, кого здесь не было, ощущалось нечто нездоровое. В то же самое время, прямо сейчас он выглядел

⁵ Диана Уинн Джонс (1934–2011) – британская писательница, автор фантастических романов для детей и взрослых.

таким удрученным и одиноким, что я почти испытал вину за то, что лишаю его друга. И, как и всегда, обиду за то, что меня ему недостаточно.

– Ну что ж, – осторожно произнес я. – Завтра ты идешь в школу. Я уверен, что там ты заведешь множество новых друзей. А тем временем я здесь. *Мы* здесь. Новый дом, новая жизнь.

– А здесь безопасно?

– Безопасно? – Почему он это спрашивает? – Да, конечно же.

– А дверь заперта?

– Да.

Ложь – розовая ложь – пришла автоматически. Дверь не была заперта – не думаю, чтобы я даже набросил цепочку. Но Фезербэнк – городок тихий. И, во всяком случае, сейчас только ранний вечер и везде горит свет. Да у кого хватит наглости?..

Но вид у Джейка был настолько испуганный, что я внезапно осознал расстояние между нами обоими и входной дверью. Шум, с которым наполнялась его ванна. Если кто-то прокрался в дом, пока мы были здесь, услышал бы я это?

– Не стоит об этом беспокоиться. – Я изо всех сил постарался говорить твердо. – Я никогда не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Почему ты так волнуешься?

– Тебе нужно закрыть дверь, – сказал он.

– В каком это смысле?

– Нужно держать ее запертой.

– Джейк...

– Если дверь прикрыть забудешь, скоро шепот слышать будешь.

По спине у меня побежал холодок. Джейк был явно испуган, а эту фразу он явно не сам придумал.

– Что это означает? – спросил я.

– Я не знаю.

– Где ты это слышал?

Он не ответил. Но я тут же понял, что ему и не было особой нужды отвечать.

– От той девочки?

Он кивнул, и я только покачал головой, совершенно сбитый с толку. Джейк не мог слышать странный стишок от кого-то, кого на самом деле не было. Так что, возможно, тогда в «Клубе 567» я ошибся и девочка была реальной? Наверное, Джейк просто попрощался, не заметив, что она уже ушла? Если не считать того, что, когда я вошел, за столом он был один... Тогда, должно быть, это кто-то из других детей пытался его напугать. Судя по выражению его лица в данный момент, это получилось.

– Ты в полной безопасности, Джейк. Обещаю.

– Но я не отвечаю за дверь!

– Нет, – я кивнул. – Это я за нее отвечаю. Так что беспокоиться тебе не о чем. Мне плевать, кто там тебе чего наплел. Сейчас тебе нужно слушать *меня*. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Никогда.

Он слушал, по крайней мере, – хотя я не был уверен, что это его убедило.

– Я тебе обещаю. И знаешь, почему я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось? Потому что я люблю тебя. В самом деле очень люблю. Даже когда мы ссоримся.

Это вызвало буквально тень улыбки.

– Ты мне веришь? – спросил я.

Он кивнул, явно чувствуя себя немного уверенней.

– Отлично. – Я взъерошил ему волосы и встал. – Потому что это правда. Спокойной ночи, зайчик.

– Спокойной ночи, папа.

– Я поднимусь и проверю тебя через пять минут.

Выключив свет, я вышел из комнаты, а потом как можно тише спустился вниз по ступенькам. И как бы мне ни хотелось немедленно свалиться на диван, остановился у входной двери.

«Если дверь прикрыть забудешь, скоро шепот слышать будешь».

Чушь полная, конечно, где бы он это ни слышал. Но слова по-прежнему бредили меня. И точно так же, как тревожила меня мысль о той девочке, тянувшейся по нашим следам сквозь страну, теперь я никак не мог выбросить из головы образ, как она сидит рядом с ним, свесив взлохмаченные волосы набок, с той странной улыбочкой на лице, и угрожающе шепчет ему в ухо какие-то страшные вещи.

В тот вечер я все-таки накинул цепочку.

10

Детектив-инспектор Пит Уиллис проводил выходные в нескольких милях от Фезербэнка, совершая прогулки по сельской местности и тыча посохом в густые заросли подлеска. Осматривал живые изгороди. Время от времени, когда на полях никого не было, перепрыгивал через перелазы и пробирался прямо по траве.

Любой, кому он попался бы на глаза, мог принять его за бродягу, и сам Пит полагал, что, согласно собственным целям и задачам, он таковым и являлся. Вообще-то в такие дни он намеренно думал о таких экспедициях, как просто о прогулках, возможности размять ноги – как просто о еще одном стариковском способе убить время. Двадцать лет уже прошло, в конце-то концов. И все же какая-то часть его оставалась сосредоточенной. Вместо того чтобы впитывать красоту окружающего мира, он постоянно изучал землю в поисках фрагментов костей и обрывков старой ткани.

Синие тренировочные штаны. Маленькая черная рубашка-поло.

По какой-то причине описание одежды намертво застряло в памяти.

Как бы он ни старался не думать об этом, Питу никогда не забыть того дня, когда он увидел весь тот ужас, что замарал изнутри пристройку Фрэнка Картера. Вернувшись потом в отдел, он все никак не мог отойти от увиденного. Однако когда только открыл те раздвижные двери, то, по крайней мере, испытал нечто вроде облегчения. Четыре маленьких мальчика жестоко убиты. Но даже хотя Картер на тот момент оставался на свободе, чудовище наконец получило имя – настоящее имя, а не то, каким окрестили его газетчики, – и четыре жертвы были всем, на что эта сволочь предъявила свои права.

На тот момент Пит верил, что все практически кончилось.

Но потом увидел Смитов, Миранду и Алана, сидящих в приемной. Даже сейчас он мог представить их, как наяву. Алан, в строгом костюме, сидит выпрямившись, как палка, и уставившись куда-то в пространство, руки сложены в виде сердечка у него на коленях. Руки Миранды прижаты к бедрам, она прислонилась к своему мужу, положив ему голову на плечо, ее длинные темные волосы спадают ему на грудь. Вечер еще не наступил, но вид у обоих совершенно измотанный, словно у людей в долгом путешествии, когда они пытаются, но не могут заснуть прямо где сидят.

Пропал их сын Тони.

И через двадцать лет после того дня он по-прежнему числился пропавшим.

Фрэнк Картер ухитрился пробыть в бегах еще полтора дня, прежде чем его наконец арестовали – его фургон остановили на сельской дороге почти в ста милях от Фезербэнка. Имелись вещественные улики, что Тони Смита держали в грузовом отсеке фургона, но никаких признаков тела мальчика. И хотя Картер признался, что убил Тони, он напрочь отказался открыть, где избавился от останков.

В последующие недели проводились широкомасштабные поиски по множеству возможных маршрутов, которые мог избрать Картер, и все они не привели ни к какому результату. Пит сам участвовал в нескольких таких поисковых операциях. Со временем количество участников поисков все уменьшалось, и вот теперь, двадцать лет спустя, лишь он один не оставлял этих попыток. Даже Миранда и Алан Смит куда-то переехали. Теперь они жили далеко от Фезербэнка. Если б Тони остался жив, сейчас ему было бы двадцать семь лет. Пит знал, что дочери Миранды и Алана, Клэр, родившейся в последующие смутные годы, недавно исполнилось шесть. Он ни в чем не винил Смитов, заново отстроивших свою жизнь после гибели сына, но оставался факт, что сам он никак не мог сдаться и забыть.

Пропал маленький мальчик.

Маленького мальчика нужно найти и доставить домой.

* * *

Когда Пит сейчас возвращался в Фезербэнк, у домов, мимо которых он проезжал, был очень уютный вид. Их окна мягко светились во тьме, и он мог представить, как из-за них доносятся тихий смех и обрывки разговоров.

Люди собрались вместе, как и полагается людям.

Это вызвало у него некоторое чувство одиночества, но всегда можешь найти удовольствие там, где его ищешь, даже в такой уединенной жизни, как у него. Дорогу обрамляли огромные деревья, их листва почти терялась во тьме, оставаясь на виду лишь там, где ее касался свет уличных фонарей, разбрасывая по улице замысловатые зелено-желтые пятна, колеблющиеся вместе с ними под слабым ветерком. В Фезербэнке царили мир и покой, и было почти невозможно поверить, что некогда он стал прибежищем такой отвратительной мерзости, как Фрэнк Картер.

В конце его улицы на столбе под фонарем белела листовка – одно из множества объявлений «Внимание – розыск!», которые были развешаны в предыдущие недели родственниками Нила Спенсера: фотография мальчика, подробное описание его одежды и обращение к свидетелям выйти на связь. И снимок, и текст уже порядком выцвели под безжалостными лучами летнего солнца, так что, когда сейчас он проезжал мимо, одинокий листок напомнил ему увядшие и сморщенные цветы, оставшиеся лежать на месте какого-нибудь давнего ДТП. Пропаавший мальчик начал пропадать по второму разу.

Со времени исчезновения Нила Спенсера прошло уже почти два месяца, и, несмотря на значительные ресурсы, а также сердце и душу, вложенные в расследование, сейчас полиция знала почти столько же, сколько в тот вечер, когда он пропал. Насколько мог судить Пит, Аманда Бек все делала правильно. Лишним подтверждением ее эффективности вообще-то можно было счесть и тот факт, что даже старший детектив-инспектор Лайонс, человек, постоянно следящий лишь за собственной репутацией, стоял за нее горой и оставил ответственной за ведение дела. Хотя в последнее время, когда Пит сталкивался с Амандой в коридоре, вид у нее был такой вымотанный, что он гадал, не стало ли это для нее в некотором роде наказанием.

Жаль, нельзя сказать ей, что со временем все станет проще...

После вызова в кабинет старшего детектива-инспектора Пит обговорил с Амандой некоторые аспекты первоначального расследования, но пока его привлекали к делу только поверхностно и эпизодически. Делая запрос на посещение Фрэнка Картера, он испытал знакомое чувство обреченности. Сразу представил, как будет сидеть напротив этого чудовища, которое будет обращаться с ним, как с игрушкой. Как всегда, терялся в догадках, сможет ли пройти через это – не станет ли их столкновение той каплей, которая наконец переполнит чашу терпения. И все же его страхи оказались напрасны. Впервые, насколько он помнил, его запрос на беседу с Картером закончился отказом. Так называемый Шептальщик, похоже, на сей раз решил хранить молчание.

Пит неоднократно посещал его в прошлом и готовился сделать это снова, но все же... Оказалось просто невозможно подавить чувство облегчения. Это принесло с собой чувство вины и стыда, конечно же, но он сумел убедить себя, что стыдиться нечего. Сидеть напротив Фрэнка Картера – тяжелое испытание. Это просто вредно для здоровья. А поскольку единственным связующим звеном были слова матери Нила о том, что тот якобы видел и слышал нечто за окном, не имелось никаких причин считать, что это хоть как-то поможет.

Облегчение было совершенно правильной реакцией.

* * *

Вернувшись домой, Пит бросил ключи на стол в столовой, уже определив, что приготовит на ужин и какие программы посмотрит, чтобы заполнить несколько часов, оставшихся до сна. Завтра – опять спортзал, разбор бумажек, распределение обязанностей среди подчиненных. Все как всегда.

Но перед этим – обычный ритуал.

Открыв кухонный шкафчик, Пит вытащил бутылку водки, которую постоянно держал там, повертел ее в ладонях, прикинул на вес, ощутив, какое толстое у нее стекло – крепкий защитный слой между ним и заманчивой жидкостью внутри. Уже давным-давно он не открывал подобных бутылок, но все равно хорошо помнил приятный и успокаивающий щелчок, с которым вскрывалась винтовая крышечка.

Достал фотографию из выдвижного ящика.

А потом сел за обеденный стол, выставив перед собой бутылку и положив фотографию, и в тысячный раз задал себе все тот же вопрос:

«Хочу ли я сделать это?»

На протяжении многих лет тяга выпить приходила и уходила, но в какой-то степени присутствовала всегда. Толчком к ее пробуждению могло послужить множество совершенно банальных вещей, но бывали также времена, когда она начинала шевелиться совершенно без всякого повода, словно следуя какому-то своему собственному кривому расписанию. Бутылка частенько оставалась мертвой и бессильной, как мобильный телефон с разряженной в ноль батареей, но иногда вдруг что-то неожиданно вспыхивало. Прямо сейчас тяга оказалась куда сильнее, чем он мог припомнить. Вообще-то в течение последних двух месяцев бутылка разговаривала с ним все громче и громче.

«Ты только оттягиваешь неминуемое, – говорила она сейчас ему. – Зачем заставлять себя страдать?»

Бутылка была полной – это важно. Налить себе порцию из начатой бутылки было бы менее успокаивающим, чем с треском скрутить крышечку с новой. Спокойствие крылось в сознании того, что спиртного у тебя предостаточно.

Пит осторожно взялся за крышечку, соблазняя себя. Поверни чуть сильнее – защитное колечко хрустнет и сломается, и бутылка будет открыта.

«Можешь с равным успехом сдать».

«Это заставит тебя почувствовать себя никчемным, но мы и так оба знаем, что ты как раз такой и есть».

Голос мог быть настолько же жестоким, насколько и дружеским. Играл минорные аккорды с таким же успехом, что и мажорные.

«Ты никчемный. Ты беспомощный».

«Так что открывай пузырь, не тяни».

Как и почти всегда, голос принадлежал его отцу. Старик уже давно умер, но даже по прошествии сорока лет Пит мог легко его себе представить: толстый, развалившийся на потертом кресле в пыльной передней комнате, с презрительным выражением на лице. Абсолютно ничто из того, что делал маленький Пит, его не устраивало. «Никчемный» и «беспомощный» были словами, которые он узнал рано и слышал чаще всего.

С возрастом пришло понимание, что его отец был просто маленьким человеком, разочарованным абсолютно во всем в своей жизни, а его сын представлял для него всего лишь подходящую грушу для битья, на которой он мог выместить свое раздражение от собственного пребывания во вселенной. Но это понимание пришло слишком поздно. К тому моменту послание было впитано и стало частью жизненной программы. Объективно Пит понимал, что

это неправда, что никакой он не никчемный и не неудачник. Но это всегда *казалось* правдой. Фокус, даже если объяснить его секрет, по-прежнему выглядит убедительно.

Он поднял со стола фотографию Салли. Снимку было уже много лет, цвета со временем поблекли, словно бумага пыталась стереть образ, напечатанный на ней, и вернуться к своему первоначальному пустому состоянию. Вид у них обоих на фото такой счастливый, головы прижаты друг к другу... Снято было летним днем. Салли, казалось, так и переполнена радостью, белозубо улыбаясь солнцу, в то время как Пит лишь нерешительно кривит в улыбке плотно сжатые губы, прищуриваясь против яркого света.

«Вот что ты потерял оттого, что пил».

«Вот почему не стоит этого делать».

Он посидел так несколько минут, медленно дыша, а потом убрал бутылку с фотографией на место и принялся готовить ужин. Было легко понять, почему губительная тяга усилилась в последние несколько недель, и вот потому-то и хорошо, что его зависимость так ни к чему и не привела. «Пусть себе вспыхивает в свете недавних событий, – подумал Пит. – Пусть пользуется случаем».

«А потом пусть умрет».

11

В ту ночь, как и всегда, мне было трудно заснуть.

Некогда, после выхода моей новой книжки, я мог отправиться на всякие литературные мероприятия и даже время от времени скататься в рекламный тур, подписывая экземпляры своих книг для читателей. Обычно я ездил сам по себе и мог лежать потом в незнакомом гостиничном номере, скучая по семье. Мне всегда бывало трудно заснуть, когда рядом не было Ребекки.

А теперь было еще труднее, потому что больше ее никогда уже рядом не будет. Раньше, протягивая руку на холодную сторону гостиничной постели, я мог по крайней мере представить, что она делает то же самое у нас дома – что мы чувствуем хотя бы призрачное присутствие друг друга. После ее смерти, вытягивая руку в своей собственной кровати, я не чувствовал ничего, кроме холодной пустоты простыней. Возможно, новый дом и новая кровать должны были изменить это, но такого не произошло. Когда я протягивал руку в старом доме, то по крайней мере знал, что Ребекка лежала здесь когда-то.

Так что я долго ворочался без сна, тоскуя по ней. Даже если переезд сюда был верным решением, я осознавал разделявшее нас с Ребеккой расстояние куда сильнее, чем когда-либо. Это было ужасно – оставить ее там. Я постоянно представлял, как ее дух бродит по нашему старому дому, выглядывая в окна и гадая, куда запропастились ее муж и сын...

Это напомнило мне про воображаемую подругу Джейка. Маленькую девочку, которую он нарисовал. Я изо всех сил старался выгнать этот рисунок из головы и взамен сосредоточиться на том, как тихо и спокойно здесь, в Фезербэнке. Мир за задернутыми шторами тих и недвижим. Дом вокруг меня был теперь совершенно безмолвен.

Это позволило мне понемногу задремать – по крайней мере, через какое-то время.

* * *

Звон бьющегося стекла.

Визг моей матери.

Мужские крики.

– Папа!

Я толчком проснулся от кошмарного сна, поначалу совершенно дезориентированный и смутно сознавая, что Джейк зовет меня и мне нужно что-то сделать.

– Подожди! – крикнул я в ответ.

У противоположной стороны кровати шевельнулась какая-то тень, и сердце у меня упало. Я быстро сел.

«Господи!»

– Джейк, это ты?

Маленькая тень двинулась от изножья кровати в мою сторону. На миг я не был убежден, что это вообще он, но потом Джейк оказался достаточно близко, чтобы я мог различить очертания его взъерошенной головы. Хотя лица мне не было видно. Оно полностью скрывалось в темноте, окутавшей комнату.

– Что ты тут делаешь, дружок? – Сердце по-прежнему колотилось, как бешеное – и от того, что происходило сейчас, и как пережиток кошмара, от которого я только что пробудился. – Еще рано вставать. Даже близко не пора.

– Можно мне сегодня поспать с тобой?

– Что?

Такого раньше никогда не бывало. Вообще-то мы с Ребеккой всегда проявляли в этом вопросе твердость, когда он изредка просился к нам, считая, что стоит разок дать слабину, и дальше уже все покатится как под горку.

– Мы так не делаем, Джейк. Ты знаешь это.

– Ну пожалуйста!

Я осознал, что его голос намеренно тих, словно в соседней комнате был кто-то – кто-то, кто мог нас подслушать.

– В чем дело? – спросил я.

– Я слышал шум.

– Шум?

– Там какое-то чудовище за моим окном.

Я молча сидел, вспоминая стишок, который он зачитал мне перед сном. Но там говорилось про дверь. И по-любому никто не мог оказаться за его окном. Мы на втором этаже.

– Тебе это просто приснилось, дружок.

Он помотал головой в темноте.

– Оно меня разбудило. Я подошел к окну, и оно стало громче. Я хотел открыть шторы, но слишком испугался.

«Ты увидел бы темное поле через дорогу, – подумал я. – Вот и всё». Но произнесено это было настолько серьезно, что я не смог ему такого сказать.

– Хорошо. – Я выбрался из постели. – Давай сходим посмотрим.

– Не надо, папа!

– Я не боюсь никаких чудовищ, Джейк.

Он последовал за мной в холл, где я включил свет наверху лестницы. Правда, входя в его комнату, оставил свет в ней выключенным и подошел к окну.

– А что, если там что-то есть?

– Нет там ничего, – сказал я.

– Но что, если?..

– Тогда я с этим разберусь.

– Ты набьешь ему морду?

– Вот именно. Но там ничего нету.

И все же я не чувствовал такой уверенности, какая звучала в моем голосе. Задернутые занавески выглядели угрожающе. Секунду я прислушивался, но ничего не было слышно. Просто невероятно, чтобы там кто-то был.

Я распахнул их.

Ничего. Просто косой уголок тропы и сада, за ними – пустая дорога, вдали расстилается темное пространство поля. В комнату заглядывало неясное отражение моего лица. Но больше ничего. Похоже, что весь окружающий мир мирно спал, в отличие от меня.

– Видишь? – Я изо всех сил старался говорить терпеливо. – Никого нет.

– Но было!

Я задернул занавески и присел на корточки.

– Джейк, иногда сны кажутся очень реальными. Но это не так. Как кто-то мог оказаться прямо у тебя за окном, когда до земли так далеко?

– Он мог влезть по водосточной трубе.

Я начал было отвечать, но тут же представил себе дом снаружи. Водосточная труба *действительно* проходила возле самого его окна. Тут в голову мне пришла совершенно дикая мысль. Если ты запер дверь на замок и на цепочку, чтобы чудовище сюда не пробралось, то что ему еще остается, кроме как вскарабкаться по трубе и попасть в дом в каком-то другом месте?

Дурь полная.

– Никого там не было, Джейк.

– Можно я сегодня посплю с тобой, папа? Ну пожалуйста!

Я тихонько вздохнул про себя. Ясно, что сейчас он не собирается спать здесь один, и либо слишком поздно, либо слишком рано спорить. Я не мог этого решить. Прямо сейчас было проще уступить.

– Хорошо. Но только сегодня. И только чтобы не вертеться.

– Спасибо, папа. – Джейк подхватил свой Пакет для Особых Вещей и последовал за мной. – Обещаю, что не буду вертеться.

– Это ты так говоришь... А как насчет перетягивания одеяла?

– Тоже не буду.

Я выключил свет в холле, и потом мы забрались в постель – Джейк туда, где должна была быть половина Ребекки.

– Пап? – позвал он. – А тебе раньше снились кошмары?

Звон бьющегося стекла.

Визг моей матери.

Мужские крики.

– Да, – отозвался я. – Думаю, что да.

– А про что они были?

Сам сон уже немного потускнел, но он был в равной степени как ночным кошмаром, так и реальным воспоминанием. Я еще ребенок, иду к двери, ведущей в крошечную кухню в доме, в котором я рос. Во сне время было уже позднее, и шум снизу разбудил меня. Я оставался в кровати, натянув на голову одеяло, с ужасной тяжестью в сердце, пытаюсь делать вид, что всё в полном порядке, хоть и прекрасно знал, что это не так. Через некоторое время я прокрался на цыпочках вниз по лестнице, не желая видеть то, что там происходило, но все равно рисуя это у себя в голове и чувствуя себя совсем маленьким, перепуганным и беспомощным.

Помню, как подходил к ярко освещенной кухне из темной прихожей, слыша доносящийся оттуда шум. Голос моей матери был сердит, но тих, словно бы она думала, что я по-прежнему сплю, и желая меня от всего этого оградить, но мужской голос звучал громко, безразличный к такого рода тонкостям. Все их слова накладывались одно на другое. Я не мог разобрать, кто из них что говорит, понимал лишь, что говорили что-то дурное и что разговор развивался крещендо – стремительно приближался к чему-то ужасному.

Дверь в кухню.

Я дошел до нее как раз вовремя, чтобы увидеть искаженное злобой и ненавистью красное лицо мужчины, когда тот изо всей силы швырнул в голову матери стакан. Чтобы заметить, как она пытается увернуться, но не успевает, и услышать ее визг.

Последний раз, когда я видел своего отца.

Это было так давно, но воспоминание постоянно то и дело всплывало на поверхность. По-прежнему выкарабкивалось из покрывающей его грязной жирной земли...

– Всякие взрослые вещи, – ответил я Джейку. – Может, когда-нибудь я тебе расскажу, но это всего лишь сон. И вообще все нормально. Все всегда хорошо кончается.

– А что происходит в конце?

– Ну, *ты сам*, со временем.

– Я?

– Угу. – Я взъерошил ему волосы. – А теперь давай спи.

Я прикрыл глаза, и мы оба лежали молча так долго, что я уже решил, что Джейк наконец заснул опять. В какой-то момент я вытянул руку вбок и осторожно положил ее на одеяло поверх него, словно чтобы убедиться, что он все еще там. Что мы по-прежнему вместе. Моя маленькая, израненная семья...

– Шепчет, – тихо произнес Джейк.

– Что?

– Шепчет.

Его голос доносился так издали, что я подумал, что он уже спит.

– Оно шепчет у моего окна.

12

«Вам нужно поспешить!»

Во сне Джейн Картер шептала ему это по телефону. Ее голос был тих и настойчив, словно она говорила самые страшные вещи на свете.

Но она все равно это сделала. Наконец-то.

Пит сидел за своим письменным столом, и его сердце глухо стучало в груди. Он множество раз разговаривал с женой Фрэнка Картера в ходе того расследования. То вдруг появлялся возле места ее работы, то якобы случайно пристраивался рядом с ней на многолюдном тротуаре, всегда стараясь не быть увиденным с ней вместе, о чем мог прознать ее муж. Как будто втайне от самого себя делал попытки превратиться в шпиона, – что, как он полагал, было недалеко от истины.

Джейн обеспечила несколько алиби для своего мужа. Она защищала его. Но после первой же встречи с ней Питу стало ясно, что она жутко боится Фрэнка, причем по веской причине, и Пит делал все возможное, чтобы обратить ее в свою веру – убедить ее, что разговор с ним не сулит ей никакой беды. Чтобы она отказалась от своих слов и поведала про мужа всю правду: «Поговорите со мной, Джейн. Я позабочусь о том, чтобы Фрэнк больше не причинил зла ни вам, ни вашему сыну».

А потом стало похоже, что она так и собирается поступить. За годы в Джейн Картер был вбит такой страх, что даже сейчас, звоня ему из дома, в котором уже не было этого мерзавца, она по-прежнему могла выдать из себя всего лишь шепот. Смелость – это не отсутствие страха, Пит хорошо это знал. Смелости нужен страх. И вот так, даже в момент собственного адреналинового всплеска – даже когда почувствовал, что дело начинает закрываться перед ним, – он тоже осознал истинную храбрость этого звонка.

– Я вас впущу, – прошептала она, – но вам нужно поспешить. Я не знаю, сколько его не будет.

В действительности же Фрэнк Картер так никогда и не вернулся в дом. Буквально через час там уже кишмя кишели полицейские и криминалисты, а по радио поступил приказ определить местонахождение Картера и фургона, на котором тот уехал. Но в тот момент Пит действительно спешил. Поездка до дома убийцы заняла всего десять минут, но эти минуты были самыми долгими во всей его жизни. Даже заранее вызвав подкрепление, он чувствовал себя одиноким и испуганным, когда приехал туда, – словно какой-то сказочный персонаж, проникший в пещеру в момент отсутствия чудовища, но знающий, что оно может нагрянуть абсолютно в любой момент.

Внутри Пит наблюдал, как Джейн Картер трясущимися руками открывает дверь в пристройку украденным ключом. Во всем доме стояла тишина, и он чувствовал, как некая тень нависает над ними.

Замок наконец открылся.

– А теперь отойдите назад, пожалуйста, вы оба!

Джейн Картер стояла посреди кухни, ее сынишка прятался за ее ногами, когда Пит рукой в перчатке распахнул дверь.

Нет.

Поначалу – жаркий дух гниющего мяса. Он осветил внутрь фонариком – а потом увидел картинки, появляющиеся перед ним одна за другой в стремительной последовательности, словно озаряемые всполохами фотовспышки.

Нет.

Еще нет.

На миг он поднял руки, на сей раз направляя фонарик на стены. Они были выкрашены белой краской, но Картер дополнительно украсил их, намалевав в самом низу грубые травинки и порхающих над ними бабочек, словно на детском рисунке. Ближе к потолку – перекошенное подобие желтого солнца. На нем было несколькими взмахами нарисовано лицо, мертвые черные глаза которого уставились на пол внизу.

Пит проследил за направлением этого взгляда и наконец опустил луч фонарика.

Стало трудно дышать.

Он искал этих детей три месяца, и хотя всегда ожидал подобного исхода, но никогда не оставлял надежды. Однако они были здесь, лежали в этой зловонной, жаркой тьме. Четыре тела выглядели одновременно реальными и нереальными. Как живые, и при этом словно сломанные куклы, которые теперь лежали совершенно неподвижно – одежда нетронута, за исключением футболок, задранных наверх, чтобы прикрыть лица.

* * *

Наверное, самое худшее в данном конкретном кошмаре было то, что за многие годы он настолько к нему привык, что тот даже не мешал ему спать. Лишь будильник пробудил его на следующее утро.

Пит лежал, не двигаясь, несколько секунд, стараясь успокоиться. Пытаться закрыть глаза на воспоминание было все равно что разгонять руками туман, но он напомнил себе, что все дело лишь в недавних событиях, которые опять вызвали к жизни эти кошмары, и что со временем они сойдут на нет. Выключил будильник.

«Спортзал, – подумал он. – Бумажки. Задания подчиненным. Обычная рутина».

Пит принял душ, оделся, собрал сумку для тренировки, и к тому времени, как стал спускаться вниз, чтобы приготовить кофе и легкий завтрак, мысли пришли в сравнительный порядок, а сон окончательно отступил. Это была короткая перебивка в привычном течении его жизни – только и всего. Совершенно объяснимо: когда перекапываешь почву, из-под земли освобождаются какие-то едкие испарения, но вскоре они рассеются. Тяга выпить опять ослабеет. Жизнь вернется в нормальную колею.

Набрав номер, Пит прослушал сообщение, медленно жуя очередной кусок.

И с трудом заставил себя его проглотить. Горло сжалось.

Через два месяца Фрэнк Картер наконец согласился увидеться с ним.

13

– Просто встань возле стены, сделай одолжение, – сказал я. – Немного правее. Нет, *от меня* правее. Вот так. А теперь улыбнись.

Это был первый день Джейка в его новой школе, и меня эта перспектива нервировала гораздо больше, чем его. Ну сколько раз можно заглядывать в комод, чтобы убедиться, что одежда приготовлена и все надписано? Куда я задевал его рюкзачок для учебников и бутылку с водой? Так много приходилось держать в голове, и я хотел, чтобы все для него прошло без сучка без задоринки...

– Ну можно уже пошевелиться, папа?

– Погоди.

Я держал перед собой телефон, когда Джейк стоял возле единственной пустой стены в спальне, одетый в новую школьную форму: серые брюки, белая рубашка и синий джемпер – все свеженькое и чистое, естественно, с бирками с его именем абсолютно на всем. Его улыбка была застенчивой и славной. Он выглядел таким взрослым в этой форме, но при этом настолько маленьким и беззащитным!

Я ткнул пальцем в экран еще пару раз.

– Можно посмотреть?

– Ну, конечно же, можно!

Я присел на корточки, и он прислонился к моему плечу, пока я показывал ему только что сделанные фотографии.

– Неплохо выгляжу. – Интонация у него была удивленная.

– Выглядишь по-деловому, – сказал я ему.

Так оно и было. Я постарался насладиться моментом, пусть и порядком омраченным грустью, поскольку Ребекка тоже должна была быть с нами. Как и большинство родителей, мы с ней делали снимки Джейка в первый день нового учебного года, но я недавно сменил телефон и только на этой неделе сообразил, что это значит. Все мои фотографии пропали – потерялись навсегда. Что вдвойне обидней, у меня оставался телефон Ребекки, но хотя фото были и там, мне было никак не получить к ним доступ. Целую минуту я в полном расстройстве рассматривал ее старый аппарат, подавленный тяжелой правдой ситуации. Ребекки больше не было, а это означало, что этих воспоминаний теперь не было тоже.

Попытался сказать себе, что это неважно. Что это лишь очередная жестокая шутка, которую сыграла со мной утрата, – и на общем фоне достаточно незначительная. Но все равно было жутко обидно. Казалось, что я и тут дал маху.

«Ладно, еще нащелкаем».

– Ну, пошли, дружок.

Перед уходом я сгрузил копии фоток в «облако».

* * *

Начальная школа «Роуз-террас» представляла собой низкое, широко раскинувшееся здание, отделенное от улицы чугунной решеткой. Главная часть его, явно очень старая, выглядела весьма симпатично – единственный этаж, увенчанный ступенчатым набором разномастных двускатных крыш. На черном камне над отдельными входами были выбиты надписи «МАЛЬЧИКИ» и «ДЕВОЧКИ», хотя более новые таблички указывали, что это викторианское разделение теперь используется только чтобы разграничить различные возрастные группы⁶. Перед

⁶ Исторически в Великобритании существовало раздельное обучение: были отдельные школы (или отдельные корпуса)

тем как записать сюда Джейка, мне всё показали. Внутри имелся зал с натертым паркетным полом, служивший общей рекреацией для окружающих его классов. Стены между их дверями покрывали разноцветные отпечатки маленьких рук, оставленные бывшими учениками – судя по всему, отличниками, – с датами учебы под ними.

Мы с Джейком остановились возле чугунной ограды.

– Ну, что думаешь?

– Не знаю, – замялся он.

Трудно было винить его за сомнения. Игровая площадка за оградой кишела детьми, вместе с родителями, разделившимися на группки. Был первый день нового учебного года, но все здесь – и дети, и родители в равной степени – уже хорошо знали друг друга с предыдущих двух лет, а нам с Джейком предстояло войти сюда совершеннейшими чужаками, знакомыми только друг с другом. Его старая школа была значительно больше и более анонимна. А тут все казались настолько тесно связанными между собой, отчего у меня сразу возникло чувство, что мы всегда так и будем чувствовать себя здесь посторонними... Господи, будем надеяться, что он сюда все-таки впишется!

Я слегка сжал его руку.

– Ну пошли. Будем смелей.

– Все нормально, папа.

– Это я про себя.

Шутка, но только наполовину. Оставалось всего пять минут до того, как должны были открыть двери, и я знал, что мне потребуется определенное усилие, чтобы заговорить с кем-то из других родителей и начать завязывать собственные связи. Вместо этого я прислонился к стене и стал ждать.

Джейк стоял рядом со мной, слегка пожевывая губу. Я наблюдал, как остальные дети носятся вокруг, и страстно желал, чтобы он пошел к ним и сделал попытку поиграть.

«Просто позволь ему быть самим собой», – повторял я себе.

В этом нет ничего такого, так ведь?

Наконец дверь младшей возрастной группы открылась, и оттуда вышла новая учительница Джейка с улыбкой на лице. Дети принялись строиться, размахивая рюкзаками для учеников. Поскольку это был самый первый день четверти, большинство этих рюкзаков были сейчас пусты, но только не у Джейка. Как обычно, он настоял на том, чтобы взять с собой свой Пакет для Особых Вещей.

Я передал ему рюкзачок и бутылку с водой.

– Будешь за ним присматривать, хорошо?

– Да.

Господи, я надеялся, что так и будет. Мысль о том, что эта штука может потеряться, была наверняка настолько же невыносима для меня, как и для него. Драгоценный Пакет был для моего сына эквивалентом той любимой мягкой игрушки, которую многие дети повсюду таскают с собой, прижимая к груди, и было совершенно немыслимо, чтобы он вышел из дома без него.

Мой сын уже двигался к очереди детишек.

– Я люблю тебя, Джейк, – тихонько произнес я.

– Тоже тебя люблю, папа.

Я стоял там, глядя ему вслед, пока Джейк не вошел внутрь, надеясь, что он обернется и помашет. Он этого не сделал. Хороший знак, предположил я, что он ко мне не липнет. Это показывало, что предстоящий день его не пугает и что в утешении он не нуждается.

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть все будет хорошо!»

– Новенький, гляжу?

– Простите?

Я повернулся, увидев стоящую рядом со мной женщину. Хотя день обещал быть теплым, на ней было длинное темное пальто, руки засунуты в карманы, словно в ожидании студеного зимнего ветра. Крашенные волосы длиной по плечи пронзительно-черные, на лице – слегка насмешливое выражение.

Новенький.

– О! – сказал я. – Это вы про Джейка? Ну да, это мой сын.

– Вообще-то я имела в виду вас обоих. У вас обеспокоенный вид. Не переживайте, я уверена, что все с ним будет нормально.

– Да, я тоже уверен. Он даже не обернулся.

– Мой давно уже перестал это делать. Вообще-то, как только мы утром зашли на игровую площадку, я с равным успехом могла бы и вовсе не существовать. Обидно поначалу, но постепенно привыкаешь. На самом-то деле это хорошо. – Она пожала плечами. – Кстати, я Карен. А моего сына зовут Адам.

– Том, – представился я. – Рад познакомиться. Карен и Адам? Похоже, мне пора запоминать все эти новые имена.

Она улыбнулась.

– Это займет некоторое время. Но я уверена, что у Джейка никаких проблем не будет. Всегда трудно, когда переезжаешь в какое-то новое место, но детская компашка тут дружная. Адам поступил сюда только в середине прошлого года. Это хорошая школа.

Когда она направилась обратно к воротам, я постарался отложить имена в памяти. Карен. Адам. Она показалась довольно милой, и, наверное, мне стоило вести себя несколько более активно. Пожалуй, несмотря на все свидетельства обратного, я действительно мог стать одним из этих нормальных взрослых, которые разговаривали с другими родителями на игровой площадке.

На коротком пути пешком домой я вытащил свой телефон и надел наушники, загруженный на сей раз уже другим поводом понервничать. Я одолел лишь треть нового романа, когда умерла Ребекка, и хотя некоторые писатели жадно набрасываются на работу, только чтобы отвлечься от горестных дум, я с тех пор даже и не заглядывал в текст. Мысль о том, чтобы продолжать работать, казалась мне сейчас совершенно пустой, и я подозревал, что в итоге все это заброшу и оставлю разлагаться на жестком диске, словно некую незавершенную причуду.

В таком случае, что я буду писать?

Вернувшись домой, я включил компьютер, открыл в «Ворде» пустой документ, а потом сохранил файл под именем «плохие мысли». Я всегда поступал так, чтобы начать. Признание того факта, что начинать всегда трудно, сняло с меня некоторое психологическое напряжение. А потом, раз уж я всегда полагал, что приготовление кофе не считается просто поводом впустую потянуть время, направился в кухню, поставил на плиту чайник, а после прислонился к столу и выглянул из окна в садик позади дома.

Там стоял какой-то человек.

Он располагался ко мне спиной и вроде как тряс висячий замок гаражной двери.

«Какого хрена?!»

Я постучал по стеклу.

Человек вздрогнул и быстро обернулся. Лет за пятьдесят, низенький и грузный, с монашеским кружком седых волос на в остальном лысой голове. Одет очень аккуратно, даже франтовато – костюм с галстуком, серое пальто, шарф... Короче говоря, типаж настолько далекий от потенциального взломщика, насколько я только мог себе вообразить.

Я выразительно изобразил это свое «какого хрена?!» руками и лицом. Он секунду смотрел на меня в ответ, все еще с испуганным выражением на лице, а потом развернулся и исчез в направлении подъездной дорожки.

Я на секунду замешкался, все еще потрясенный увиденным, а потом двинулся обратно через дом, решительно настроенный встретить незваного гостя лицом к лицу и выяснить, чем он там занимался.

И едва подошел к входной двери, как зазвонил дверной звонок.

14

Слишком резко распахнув дверь, я обнаружил на крыльце того самого человека, стоящего с виноватым выражением на лице. Вблизи он выглядел еще большим коротышкой, чем казалось через окно.

– Я жутко извиняюсь, что побеспокоил вас... – Изъяснялся он каким-то чуть ли не протокольным тоном, в полном соответствии со старомодным костюмом, в который был одет. – Я был не в курсе, есть ли кто-нибудь дома.

«Совершенно очевидный способ узнать, есть ли кто-нибудь дома, – подумал я, – позвонить в этот хренов звонок!»

– Понятно. – Я сложил руки на груди. – Так чем могу?..

Человек неловко переступил с ноги на ногу.

– Ну, должен признать, это не совсем обычная просьба. Но дело в том, что... Этот дом. Вообще-то я вырос здесь, понимаете? Естественно, это было много лет назад, но у меня с этим домом связаны столь добрые воспоминания...

Он не договорил.

– Ясненько, – сказал я.

И стал ждать, когда этот тип продолжит. Но он просто стоял с выжидательным видом, словно уже снабдил меня достаточной информацией и было бы просто некрасиво и, наверное, даже грубо с моей стороны заставлять его высказывать все остальное.

Через секунду я не выдержал.

– Вы хотите сказать, что хотите зайти и осмотреться, или что?

Он благодарно кивнул.

– Это жутко навязчиво, я понимаю, но чрезвычайно был бы вам благодарен, если б вы позволили. Понимаете, этот дом полон для меня совершенно особенных воспоминаний...

И вновь его тон был столь нарочито формальным, что я чуть не расхохотался. Но все-таки не стал, поскольку мысль о том, чтобы впустить этого человека в мой дом, заставила меня порядком занервничать. Одет он был так прилично, а его манеры настолько абсурдно вежливы, что, казалось, это какая-то маска. Несмотря на явное отсутствие физической угрозы, человек казался опасным. Я мог запросто представить, как он втыкает в кого-то ножик, глядя тому в глаза и облизывая губы.

– Боюсь, что это невозможно.

Жеманная манера немедленно пропала, и на лице его мелькнул намек на раздражение. Кем бы ни был этот человек, но он явно привык все делать по-своему.

– Какая жуткая досада, – произнес он. – Могу я спросить почему?

– Для начала, мы только что сюда переехали. Там внутри везде коробки.

– Понятно. – Он едва заметно улыбнулся. – Может, тогда как-нибудь в другой раз?

– Вообще-то нет. Потому что я не особо расположен пускать совершенно посторонних людей в собственный дом.

– Это... крайне досадно.

– Почему вы пытались попасть в мой гараж?

– Я ничего такого не делал! – Он отступил на шаг, теперь с оскорбленным видом. – Я просто хотел разыскать вас.

– Где? В запертом гараже?

– Я не знаю, что, по-вашему, вы видели, но нет. – Он печально покачал головой. – Насколько я понимаю, налицо некая прискорбная ошибка. В самом деле крайне досадно. Может, вы все-таки передумаете?

– Не передумаю.

– Тогда простите великодушно, что пришлось вас побеспокоить.

Он развернулся и стал уходить по тропинке.

Я последовал за ним во двор, вспомнив полученные письма.

– Мистер Барнетт?

Услышав это, он сбился с шага, после чего обернулся и посмотрел на меня. Я остановился там, куда успел выйти. Теперь выражение его лица было совершенно другим. Глаза стали совершенно пустыми, и, несмотря на различие в наших габаритах, я подумал, что если он шагнет в мою сторону, то лучше уж я отступлю.

– Боюсь, что нет, – произнес он. – Прощайте.

А потом двинулся дальше и, свернув на улицу, без единого слова направился прочь. Я опять последовал за ним, но остановился на тротуаре, не зная, преследовать его дальше по дороге или нет. Несмотря на жаркое солнце, по спине пробежал противный холодок.

* * *

Я был настолько поглощен самим домом, что до сих пор не удосужился заглянуть в гараж. Конечно, это была не самая соблазнительная часть участка: две синие проржавевшие створки, которые едва сходились посередине, шероховатые белые стены с треснувшим оконцем сбоку... Фундамент зарос высоко вымахавшей сорной травой. Агент по недвижимости сказал мне, что в покрытии крыши использован асбест и что мне потребуется помощь специалистов, если я решу его снести, хотя вид у этого строения был такой, будто в какой-то момент оно рухнет само собой. Казалось, будто гараж притулился на задах дома, словно старый пьянчуга, нетвердо держась на ногах и тщетно пытающийся не завалиться набок.

Двери были заперты на всякий замок, но агент по недвижимости выдал мне ключ. Отперев замок и потянув за одну из дверей – металл противно зацарапал и заскрежетал по асфальту, – я слегка пригнулся и шагнул внутрь.

Недоверчиво огляделся. Гараж был полон всякого хлама.

Я-то думал, что когда миссис Ширинг освобождала дом после первого осмотра, то наняла какую-то транспортную фирму, чтобы вывезти старую мебель. Теперь стало ясно, что на этом она сэкономила и что весь этот утиль, воняющий плесенью и пылью, перекочевал сюда. В центре громоздились стопки картонных коробок – те, что внизу, заметно сплющились под весом верхних. Старые столы и стулья, наваленные горой вдоль одной стороны, переплелись между собой, словно какая-то деревянная головоломка. К задней стене был прислонен старый матрас, на ткани обивки которого так заметно выделялись большие бурые пятна, что он напоминал рельефную карту какого-то иного мира. Я ощутил запах застарелой гари от закопченного мангала для барбекю, стоявшего сбоку возле двери.

Вокруг стен сугробами лежали сморщенные коричневые листья. Я осторожно подвинул ногой миску со следами засохшей краски в углу – и обнаружил самого большого паука, какого когда-либо видел. Эта тварь только слегка подскочила, где сидела, явно ничуть не смущенная моим присутствием.

«Ну что ж, – подумал я, озираясь по сторонам, – спасибо вам большое, миссис Ширинг!»

Внутри было особо не развернуться, но я пробрался вперед к груде коробок и открыл одну из верхних – сырой картон едва не расползлся под пальцами. Заглянув внутрь, обнаружил старые елочные игрушки. Сложенная кольцами поблекшая мишура, потерявшие блеск шары и нечто, похожее на яркие фантики на самом верху.

И тут один из этих «фантиков» взлетел мне прямо к лицу.

– Господи!

Я едва не потерял равновесие, размахивая одной рукой перед лицом – одна нога поехала по прелым листьям назад. Эта штуковина взлетела к потолку, тут же отскочила вниз и крутнулась на месте, после чего ударилась в серое стекло окна и принялась размеренно биться об него.

Туп, туп, туп. Мягчайшие, едва слышные столкновения.

Бабочка, догадался я. Какого вида, я не узнал – хотя должен признать, что мои познания в этой области не распространяются дальше белых капустниц и крапивниц.

Я осторожно приблизился к окну, где бабочка все еще колотилась о стекло, и несколько секунд наблюдал за ней, пока она наконец не уловила намек и не опустилась на облупленный подоконник, плоско расправив крылышки. Тварь была размером с только что виденного мной паука, но тот был уродливо-серый, а бабочка оказалась на удивление разноцветной. На ее крыльшках с пурпурным отливом на самых кончиках играли желтые и зеленые вихри. Она была прекрасна.

Переместившись обратно к коробке, я опять заглянул внутрь и увидел еще трех бабочек, покоящихся на поверхности мишуры. Они не двигались, так что, наверное, были мертвы, но опустив взгляд, на боковой стороне самой нижней коробки в стопке я увидел еще одну – ее крылышки шевелились медленно и мягко, словно дыхание.

Я не имел ни малейшего представления, сколько они здесь пробыли или каков может быть их жизненный цикл, но, похоже, особой надежды здесь у них не было ни на что, если не считать перспективы угодить на обед к пауку. Я ощутил стремление нарушить эту сложившуюся экосистему. Оторвав сырой лоскут картона с верхней коробки, сделал попытку выгнать одну из бабочек в дверь. Бабочка, впрочем, не послушалась. Я попытался проделать то же самое с той, что у окна, но та оказалась не менее упрямой. И, несмотря на внушительные размеры, строение у них было такое эфемерное, что, казалось, они были готовы рассыпаться в пыль при малейшем прикосновении. Мне не хотелось идти на риск повредить их.

Ладно, ничего не попишешь.

– Ну что ж, ребята... – Я отбросил картонку в сторону и вытер руки о джинсы. – Я сделал все, что мог.

Похоже, оставаться более в гараже не было смысла. Что есть, то есть. Теперь очистка его – в моем длинном списке предстоящих задач, но, по крайней мере, не в числе первоочередных.

Что было в этом гараже такого, что так интересовало моего загадочного визитера? Тут явно один хлам. Но теперь, когда впечатление от неожиданной встречи немного ослабло, я подумал: уж не говорил ли он и в самом деле правду, а я просто как-то не так понял то, что видел?

Выбравшись наружу, я повесил защелкнувшийся замок на место, заперев бабочек внутри. Просто удивительно, как им удается так долго выживать в столь бесплодных и негостеприимных условиях! Но, направившись назад ко входу в дом, я подумал про нас с Джейком и осознал, что на самом-то деле удивляться нечему.

Что у бабочек не было иного выбора, в конце-то концов.

Что это как раз то, что и делают все живые существа. Даже в самых жестких обстоятельствах они продолжают жить.

15

Комната была маленькой, но, поскольку все поверхности здесь были выкрашены в белый цвет, создавалось впечатление безграничного пространства. Места без стен. Или чего-то вне пространства и времени вообще. Пит всегда воображал, что для того, кто просматривает записи с камер наблюдения, это должно выглядеть, как сцена из какого-нибудь научно-фантастического фильма, где один человек сидит в бесконечной пустоте, в которой еще только предстоит выстроить некое виртуальное окружение.

Он провел пальцем по поверхности стола, полностью разделявшего помещение. Та слегка скрипнула. Все здесь было чисто, надраено до блеска, стерильно.

А потом в комнате опять воцарилась полная тишина.

Он ждал.

Когда предстоит встретиться лицом к лицу с чем-то ужасным, лучше встретиться с этим без задержки – каким бы плохим ни было предстоящее событие, оно все равно произойдет, и, по крайней мере, при этом не придется выносить еще и его ожидание. Фрэнк Картер хорошо понимал это. Пит посещал его по меньшей мере раз в год с момента заключения Картера в тюрьму, и этот человек всегда заставлял его ждать. Обязательно возникнет какая-нибудь пустячная задержка там, в тюремном блоке, – какое-нибудь подстроенное происшествие. Это – заявление о контроле, делающее ясным, кто из двоих мужчин действительно держит ситуацию в руках. Тот факт, что по окончании встречи именно Пит уйдет отсюда, вроде как должен был бы разубеждать в этом, но нет. Ему было нечего предложить Картеру, кроме отвлечения и развлечения. Только у одного из них было то, что требовалось другому, и оба об этом прекрасно знали.

Так что Пит ждал, как примерный мальчик.

Через несколько минут дверь в дальнем конце напротив стола отперли, и вошли два тюремных охранника, став по обе стороны от нее. Сам дверной проем оставался пустым. Чудовище, как и всегда, не спешило явить себя.

Возникло обычное чувство беспокойства, когда этот момент наступил. Пульс ускорился. Пит давно оставил попытки заготовить вопросы для этих встреч, поскольку слова неизбежно рассыпались в беспорядочную мешанину у него в голове, словно птицы, вспархивающие с дерева. Но заставил себя придать себе безучастное выражение лица и попытался, насколько возможно, сохранять спокойствие. Верх тела побаливал от утренних упражнений в спортзале.

Наконец Картер шагнул за порог.

Он был одет в бледно-голубой комбинезон, скован кандалами по рукам и ногам. По-прежнему шеголял знакомо выбритым черепом и рыжеватой козлиной бородкой. Как всегда, немного пригнулся, шаркающей походкой заходя внутрь, хотя в этом и не было никакой нужды. При росте шесть футов пять дюймов и весе в семнадцать стоунов⁷ Картер и так был реально огромным человеком, но он никогда не упускал возможности выглядеть еще крупнее.

За ним вошли еще двое охранников, сопровождая его к креслу на противоположной стороне стола. Потом все четверо удалились, оставив Пита наедине с Картером. Лязг захлопнувшейся за ними двери показался ему самым громким звуком, какой он когда-либо слышал.

Картер насмешливо уставился на него.

– С добрым утречком, Питер.

– Здравствуй, Фрэнк, – сказал Пит. – Хорошо выглядишь.

– Жизнь хороша. – Картер похлопал себя по животу, отчего цепочки, соединяющие его запястья, негромко забрякали. – Реально крайне хороша.

⁷ 6 футов 5 дюймов и 17 стоунов – 196 см и 108 кг.

Пит кивнул. Когда бы он ни посещал Картера, его всегда поражало, что тот, судя по его виду, не только прекрасно выживает в заключении, но и чуть ли не благоденствует тут. Похоже, большую часть времени Картер проводил в тюремном спортзале, и все же, хоть он оставался столь же физически внушительным, как и во время его ареста, нельзя было отрицать, что годы в тюрьме в некотором роде смягчили его. Вид у него был *умиротворенный*. Сидящий сейчас здесь, вольготно раскинув ноги и положив одну мясистую лапищу на подлокотник кресла, он вполне мог быть королем, восседающим на троне и обозревающим какого-нибудь мелкого царедворца. За пределами этих стен считалось, что Картер – опасный зверь, злобный и находящийся в состоянии войны со всем окружающим миром, но здесь, даже запертый в клетке, со своим статусом знаменитости и кружком подхалимствующих поклонников, он наконец нашел нишу, в которой смог расслабиться.

– Ты тоже неплохо выглядишь, Питер, – отозвался Картер. – Хорошо питаешься. Поддерживаешь форму, я гляжу... Как семья?

– Я не знаю, – сказал Пит. – Как твои?

В глазах Картера при этих словах мелькнула искорка. Всегда было ошибкой подкалывать этого человека, но иногда было трудно удержаться, а жена и сын Картера оказывались легкой мишенью. Пит до сих пор помнил выражение на лице Картера, когда тот прослушивал показания Джейн, транслировавшиеся в суде по видеосвязи. Этот человек, наверное, полагал, что она слишком испугана и полностью сломлена, чтобы выступить против него, но под конец она все-таки выступила, впустив Пита в пристройку и отозвав несколько алиби, которые предоставила своему мужу несколько месяцев назад. Выражение его лица в тот день очень напоминало то, которое он напустил на себя сейчас. Как ни вольготно Картер мог себя здесь чувствовать, ненависть, которую он испытывал к своей семье, так и не пошла на убыль.

Он вдруг подался вперед и произнес:

– Знаешь, прошлой ночью мне приснился совершенно невероятный сон.

Пит выдавил улыбку.

– В самом деле? Господи, Фрэнк, не думаю, что так уж хочу про него услышать.

– Вот уж нет, еще как хочешь! – Картер откинулся назад и улыбнулся сам себе. – Действительно хочешь. Поскольку там был один мальчишка, понимаешь? Смитов мальчишка. Поначалу, когда спал, я точно не знал, что это он, потому как все эти маленькие паршивцы такие одинаковые, точно? Любой из них подойдет. Плюс его рубашка была натянута ему на моську, так что мне не было видно как следует, – именно так, как я больше всего люблю. Потому что, видишь ли, я помню, что на нем было, просекаешь?

Синие тренировочные штаны. Маленькая черная рубашка-поло.

– И кто-то плакал, – продолжал Картер. – Но не он. Для начала, сейчас он уже вышел из плаксивого возраста – с этим давно покончено. И хныканье по-любому слышалось откуда-то сбоку. Так что поворачиваю я голову и замечаю там их обоих – мать и отца. Они вроде как прочухали, что я наделал с их мальчишкой, и оба всхлипывают – все их надежды и мечты пошли прахом, и, типа, что же ты, гад, натворил. – Он нахмурился. – Как там бишь их звали?

И вновь Пит ничего не ответил.

– Миранда и Алан. – Картер кивнул сам себе. – Теперь вспомнил. Они вроде тогда приходили на суд, так ведь? Ты сидел вместе с ними.

– Да.

– Точно. Так вот, Миранда и Алан плачут этими огромными слезами и смотрят на меня. «Скажи нам, где он!» Умоляют меня, просекаешь? Зрелище довольно жалкое, но мне-то пофиг, я только сразу про тебя вспоминаю, и вот думаю про себя: Питер хочет знать это тоже, и он может скоро прийти меня навестить. – Картер улыбнулся через стол. – Он ведь мой друг, точно? Я должен сделать еще одну попытку и помочь ему разрулить все эту историю. Так что я

оглядываюсь вокруг более внимательно, пытаюсь просечь, где я и где мальчишка. Потому как мне никогда не удавалось этого припомнить, так ведь?

– Нет.

– И тут происходит совершенно удивительная вещь.

– В самом деле?

– В натуре удивительная. И знаешь какая?

– Ты проснулся, – сказал Пит.

Картер откинул голову назад и залился смехом, а потом со всех сил захлопал в ладоши. Цепочки дребезжали, пока он аплодировал. Когда закончил и заговорил опять, его голос вернулся к нормальной громкости, а в глазах опять появился знакомый огонек.

– Ты слишком хорошо меня знаешь, Питер. Угу, я проснулся. Стыд и позор, точно? Пожалуй, Миранде и Алану – и тебе тоже – придется порыдать немного еще.

Пит не собирался заглатывать наживку.

– Видел ты кого-нибудь еще в этом сне? – спросил он.

– Кого-нибудь еще? Типа кого?

– Ну, не знаю... Еще кого-нибудь, кто был с тобой. Кто помогал тебе, например.

Это был слишком прямолинейный подход, чтобы получить прямой же ответ, но, как и всегда, Пит тщательно наблюдал за реакцией Картера на этот вопрос. На тему потенциального сообщника тот в общем и целом всегда реагировал одинаково: иногда насмешливо, иногда утомленно, но никогда ни подтверждал, ни отрицал, что в убийствах был замешан еще один человек. На сей раз он улыбнулся сам себе, но реакция отличалась от обычной. Сегодня вопрос вызвал дополнительную напряженность.

«Он знает, почему я здесь».

– Мне было интересно, сколько времени тебе понадобится, чтобы прийти и повидать меня, – сказал Картер. – С этим новым пропавшим мальчишкой и всем прочим. Я реально удивлен, что ты тянул до сегодняшнего дня.

Пит заставил себя пожать плечами.

– А что такого, Фрэнк? Ты вообще-то у меня не в первых приоритетах. Ты провел в тюрьме достаточно долгое время, так что можно смело сказать, что в данном случае ты точно не являешься подозреваемым.

Улыбка вернулась на лицо убийцы.

– Я-то уж точно нет. Но для тебя это всегда возвращается обратно ко мне, разве не так? Всегда заканчивается там, где начинается.

– Как это прикажешь понимать?

– Как знаешь, так и понимай. Так ты что-то хотел у меня спросить?

– Твой сон, Фрэнк, как я уже сказал. Был там еще кто-то?

– Не исключено. Хотя сам знаешь, что такое сны... Они слишком быстро стираются из памяти. Какая досада, точно?

Пит секунду не сводил взгляда с Картера, оценивая его. Тому было достаточно просто узнать об исчезновении Нила Спенсера – это было во всех новостях. Хотя не знал ли Картер и что-нибудь еще? Ему явно доставляло удовольствие создавать впечатление, будто оно так, но само по себе это ровным счетом ничего не значило. Это легко могла быть просто очередная демонстрация власти, еще один способ сделать себя больше и важнее, чем на самом деле.

– Да много чего стирается, – сказал Пит. – Скандальная известность, для начала.

– Только не здесь.

– В наружном мире, по крайней мере. Люди давно про тебя забыли.

– О, я уверен, что это не так!

– Тебя довольно давно не упоминали в газетах, знаешь ли. Человек вчерашнего дня. Если вообще не позавчерашнего, вообще-то говоря – тот мальчик пропал всего два месяца назад, как ты уже сказал, и знаешь, в скольких новостных репортажах ты упоминался?

– Не знаю, Питер. Почему бы тебе не сказать?

– Ни в одном.

– Ха! Может, мне стоит начать раздавать интервью всем этим ученым и журналистам, которые постоянно об этом просят? Могу и так поступить...

Он ухмыльнулся, и тщетность ситуации больно ударила Пита. Он терпел все это абсолютно без толку – Картер ничего не знал. И все закончится точно так же, как и всегда. Он прекрасно знал, как будет чувствовать себя потом – то, как разговор с Картером вернет все назад. Вскоре тот кухонный шкафчик будет притягивать его сильнее, чем когда-либо.

– Да, может, и стоило бы. – Он встал, повернулся спиной к Картеру и направился к двери. – Пока, Фрэнк.

– Их может заинтересовать шепот.

Пит остановился, уже взявшись за ручку двери. Мурашки пробежали по спине, потом распространились по рукам.

Шепот.

Нил Спенсер рассказывал своей матери, что какое-то чудовище шептало у него за окном, но эта подробность исчезновения мальчика никогда не становилась публичным достоянием и не попадала в новости. Но все равно могла как-то просочиться. Тем более что Картер вел себя куда более торжественно, словно разыгрывая козырную карту.

Пит медленно обернулся.

Картер сидел, все так же небрежно развалившись в кресле, но теперь на лице у него было написано самодовольство. Насадил на крючок чуть больше наживки, чтобы его рыбка не уплыла... И Пит вдруг почувствовал уверенность, что упоминание про шепот вовсе не было простым предположением.

Откуда-то этот мерзавец знал.

Но откуда?

Прямо сейчас больше, чем когда-либо, нужно сохранять спокойствие. Картера подкармливает любое чувство нужды, которое он подмечает в сидящем напротив, и он уже получил достаточно, чтобы начать игру.

«Их может заинтересовать шепот».

– Что ты под этим понимаешь, Фрэнк?

– Ну, этот мальчик увидел чудовище в окне, так ведь? Которое с ним разговаривало. – Картер опять подался вперед. – Разговаривало. Очень. Тихо.

Пит попытался справиться с тоскливым раздражением, но оно, помимо воли, начало вихриться внутри него. Картер что-то знал, и пропал маленький мальчик. Его нужно найти.

– Откуда ты знаешь про шепот? – спросил он.

– А! Долго рассказывать.

– Так расскажи.

Картер улыбнулся. Улыбкой человека, которому нечего терять или приобретать, кроме боли и горя остальных.

– Ладно, расскажу, – произнес он. – Но сначала тебе придется дать мне то, чего я хочу.

– И что же это будет?

Картер откинулся назад. Теперь с лица его вдруг исчезло насмешливое выражение. На миг его глаза стали пустыми, но потом там зажглась злость, столь же видимая, как два булавочных прокола в черной бумаге, за которыми пылает огонь.

– Приведи сюда моих, – сказал он.

– Твоих?

– Эту суку и этого мелкого выблядка. Приведи их сюда и оставь меня с ними на пять минут с глазу на глаз.

Пит уставился на Картера. Секунду его переполняли гнев и бешенство, которые брызгали через стол от сидящего за ним человека. Потом Картер запрокинул голову, звякнул цепочкой на запястьях, и тишину в комнате нарушил безудержный смех. Он все смеялся, смеялся и смеялся без передышки.

16

– Дать ему пять минут наедине с его старой семьей? – Аманда призадумалась. – А мы вообще можем это сделать, даже чисто теоретически?

Но тут увидела выражение лица Пита.

– Я шучу, кстати.

– Я знаю.

Он сгорбился на стуле с противоположной стороны письменного стола и прикрыл глаза.

Секунду Аманда наблюдала за ним. По сравнению с прошлой встречей Пит выглядел каким-то опустошенным и пришибленным. Она не слишком хорошо знала его, конечно, и пересекались они за последние два месяца не так чтобы часто, но он поразил ее, как... да, как кто? Как человек, способный контролировать свои эмоции. И удивил превосходной физической формой для человека его возраста, конечно же. Спокойный и толковый мужик. Он едва ли потратил зря хотя бы слово, рассказывая ей про то старое дело, и был безмятежен и отстранен, даже когда показывал ей фотографии, снятые внутри пристройки Фрэнка Картера, – ужасные сцены, первым свидетелем которых стал лично. Вообще-то это было довольно страшно. Это заставило Аманду обеспокоиться, как она сама уже это выдерживает, не говоря уж о том, как будет справляться, если события станут развиваться по худшему сценарию.

«Не станут».

Разумные копы умеют отстраняться. Старший детектив-инспектор Лайонс как раз из таких, потому что это единственный способ забраться наверх – чтобы вниз тянул как можно меньший груз. Прежде чем пропал Нил Спенсер, она представляла себя такой же, как он, но теперь уже больше не была так в этом уверена. И если на первых порах Аманда подумала, что Пит Уиллис – человек спокойный и отстраненный, то его нынешний вид заставил ее пересмотреть первое впечатление. Он просто хорошо держал мир на расстоянии, подумала она, а Фрэнк Картер просто сумел подобраться к нему ближе большинства остальных.

Не так удивительно, учитывая историю, которая была у них одна на двоих, и тот факт, что одна из жертв Картера так и не была найдена – ребенок, который, по сути, пропал на дежурстве Пита. Бросив взгляд на экран компьютера, она увидела знакомое фото Нила Спенсера в футбольной рубашке. Мальчик бесследно исчез чуть более двух месяцев назад, и его отсутствие отзывалось настоящей физической *болью* где-то внутри нее. Неважно, как сильно она старалась не думать об этом, – чувство безысходного провала ухудшалось день ото дня. Она просто не могла представить, сколь ужасным это чувство может оказаться после двадцати лет. Ей не хотелось закончить так же, как человек, сидящий сейчас напротив нее.

«До такого не дойдет».

– Расскажи мне еще раз про версию с сообщником, – попросила она.

– Вообще-то рассказывать особо нечего. – Пит открыл глаза. – Один из свидетелей сообщил, что с Тони Смитом разговаривал какой-то пожилой человек с седыми волосами, что не соответствует описанию Картера. А потом, есть кое-какие накладки в хронологии похищений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.